

18+

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА
ПОКРОВСКАЯ

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

РОМАН

Ольга Покровская

Летучий корабль. Роман

«Издательские решения»

Покровская О. В.

Летучий корабль. Роман / О. В. Покровская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559397-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Журнальная версия романа «Летучий корабль» («Урал», №1, 2021) вошла в лонг-лист премии «Большая книга». 80-е годы. Роман рассказывает о жизненных путях людей, связавших свою судьбу с авиапромом, сперва советским, потом российским.

ISBN 978-5-00-559397-9

© Покровская О. В.
© Издательские решения

Летучий корабль

Роман

Ольга Владимировна Покровская

© Ольга Владимировна Покровская, 2026

ISBN 978-5-0055-9397-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Покровская

Летучий корабль

Роман

Полная версия

Все персонажи и описанные события являются вымышленными.

Любое совпадение с реальными людьми или событиями является случайностью.

Глава 1

Никто не думал, что заместитель директора Рыбаков, проработавший в конструкторском бюро «Витязь» только несколько недель, посетит защиту дипломов, поэтому комиссия, узнав о такой перспективе, насторожилась. Про Рыбакова знали, что он, золотой мальчик и родственник республиканского министра, назначен на должность после зарубежной стажировки, и что в его лице министерство, намекая на возможное соперничество, подложило свинью бесменному директору Морозову. «Витязю» предстояло заниматься новаторским самолетом, и в курилках шептались, что Морозову, который славился самодурством и тяжелым характером, спущен сверху контролер и вероятный конкурент.

В тот день защищались трое, но один соискатель, Михаил Сапельников, еще отсутствовал, и это скандализовало кураторшу, поминутно смотревшую на часы. Другие двое, пунктуальные Игорь Краснов и Павел Бутенин маялись у раскрытого окна с видом на закрытую территорию и забор с колючей проволокой. Встревоженный Павел досадовал, что ответственная церемония выглядит такой томительной и глупой; он жаждал отключиться и, перелетев на несколько часов вперед, проснуться вечером, когда все тревожения окажутся позади. Никудышный оратор, он боялся оконфузиться на фоне Игоря, претендовавшего на красный диплом. Все действовало ему на нервы: их с Игорем несуразный вид, постные лица комиссии, нелепая скатерть из красного уголка. Вдалеке, за забором «Витязя», среди кварталов, которые тонули в июньской зелени, шла нормальная жизнь: ходили люди, бегали дети — и это безмятежное существование, контрастируя со строгой обстановкой зала, приводило Павла в уныние.

Куратоша подлетела к дипломникам и негромко распорядилась:

— Паша... сначала ты — потом Игорь.

Павел кивнул — глядя на Игоря, который явно готовился к мини-триумфу, он с обидой предположил, что отличника комиссия приберегла для Рыбакова, а, поскольку тот задерживался, то для затравки сначала пускали балласт.

Раскрылась дверь, и, опоздав почти на полчаса, ввалился третий виновник торжества, непричесанный и в мятой рубашке. Научный руководитель побагровел, председатель затряс головой, прогоняя видение прочь. Кураторша припала к почтенному уху, и в нездоровой тишине зашелестел ее умоляющий дискант: молодой папа... семья... маленький ребенок...

— Начинайте! — сказал председатель и забарабанил пальцами по столу.

Павел встал у кафедры, кашлянул и выговорил тему диплома, представляя, как его дребезжащий тембр, должно быть, раздражает собрание. Он совершенно не умел докладывать, и очень желал какой-нибудь ободряющей реакции на его суконные фразы. Но члены комиссии смотрели, кто куда; потом скрипнула дверь, и Павел догадался, что человек в светло-коричневом костюме, который холодной улыбкой извиняется за поднятый шум, и есть хваленый Рыбаков. Тот медленно прошел к столу, сел в торце и сонным, но внимательным взглядом схватил все части головоломки. Взял шариковую ручку и с обманным участием уставился на докладчика.

Павел, обнаружив вдруг заинтересованного зрителя, с надеждой воззрился на вялое лицо заместителя директора. Разъясняя тому скромные достоинства своего диплома, он попутно заметил на угреватой коже Рыбакова прозрачный курортный загар; зафиксировал водянистые веки, какие замечал у алкоголиков, и неприятную линию ассиметричного рта. Увидел, что в тонком шелковистом костюме Рыбакову совсем не жарко, и что, должно быть поэтому он выглядит так естественно, словно в этом наряде и родился.

Мучение подходило к концу. Комиссия зашевелилась, двое подали голоса, уточняя данные на графике, и взмокший от мучения Павел смешался, путаясь в собственной немудреной логике. Научный руководитель со значительным видом задал вопрос, на который, как подразумевалось, Павел точно должен был знать правильный ответ, но сбитый с толку докладчик запутался уже по инерции. Председатель покивал с убийственной жалостью, начальник лаборатории усмехнулся. Возникла пауза, но внезапно Рыбаков оперся толстыми, как колбаски, пальцами на красную ручку и визгливым тоном, который показался Павлу крайне высокомерным, спросил:

— Как вы считаете, имеет ваша работа практическое применение?

Единственный человек, который продемонстрировал внимание к проходному диплому, вдруг обернулся откровенным недругом, и Павел счел эту метаморфозу смертельным приговором его работе, в которой он вполне заурядно рассчитал оптимальную траекторию летательного аппарата без каких-либо новшеств. Заподозрив в Рыбакове подлое намерение утопить ответчика, Павел разозлился, кое-как справился с собой и принялся с горячностью доказывать, что его работа имеет первостепенное значение для авиации.

Неприязненный настрой исчез моментально, словно растаял в воздухе. Павел понял, что Рыбаков потерял к нему всякий интерес. Председатель предложил оценку «хорошо», и новоиспеченный инженер отправился на место, ведомый зверским взглядом научного руководителя.

Но в целом Павел остался доволен собой. Самоутешаясь, он мнил, что все одинаково постыдно смотрятся на кафедре, поэтому его слегка укололо, что комиссия, как только Игорь вышел к доске стремительной походкой, выгодно поставив голову и поймав свет на свое выразительное лицо, повеселела, оживилась и выпрямила спины. Импульс мускульного напряжения пролетел по залу. Павел посмотрел на Рыбакова, но тот замер в скульптурной позе, и только его палец акробатически крутил красную ручку, вращая ее вокруг центра масс. Павлу показалось странным, что теперь Рыбаков вовсе не смотрел на докладчика, а только внимательно его слушал. Когда возникла итоговая пауза, Рыбаков, по-прежнему поглощенный пируэтами шариковой ручки, игриво повторил:

— А ваша работа имеет перспективу внедрения?

Он поднял глаза и наткнулся на четкий Игорев ответ, который после умышленной заминки прозвучал с некоторой театральностью:

— Нет.

Рыбаков остановил вращение красной ручки.

— Что ж мы защищаем работу без практического результата? — бросил он, выдержав встречную паузу, которая по своему драматическому эффекту перевесила изначальную.

Комиссию словно ударило током. Будь Рыбаков своим человеком, скандал из-за выходки дурного студента гасился бы дежурной выволочкой, но непредсказуемые принципы стороннего начальства мешали спустить ситуацию на тормозах. Павел, который уже спокойно наблюдал за сценой, с удивлением обнаружил, что заместитель директора явно доволен ответом дерзкого дипломника, и что тот без стеснения подыгрывает язвительному Рыбакову.

— Первый задел, — сказал Игорь. — Для внедрения требуется другой объем моделирования... конечно, хотелось бы продолжить.

Председатель, позволив себе несмелую фамильярность, развел руками.

— Ну, это твердое «отлично», — сказал он, глядя на Рыбакова. — Так, Всеволод Иванович?

— Не возражаю, — согласился Рыбаков и назидательно поднял палец, — Формулируйте строже... надо говорить «имеет в перспективе». Мы занимаемся точными науками.

Комиссия подхалимисто заулыбалась. Пока меняли плакаты, Рыбаков поднялся, проговорил «занимайтесь» и вышел. Молодой папаша, который суетился у доски, подхватывая рукава наскоро одолженного пиджака, Рыбакова не интересовал принципиально.

Михаил, как и Павел, защитился на «хорошо». Комиссия поставила ему эту оценку даже с охотой, потому что ждала чего-то совсем низкопробного, но Михаил, обманув все скверные ожидания, выступил неожиданно пристойно. Докладывая плохо заученный текст, он вообще не волновался, потому что прободрствовал полночи с маленьким сынишкой и теперь находился от происходящего как бы на расстоянии — не было сомнений, что диплом дадут при любом раскладе, а остальное не имело значения.

Защита закончилась. Михаил, стаскивая пиджак, сообщил:

— Мне со «Стрелы» звонили, звали работать. Совсем у них, видно, дела плохи. Сто тридцать пять предлагали.

Он добродушно улыбался, подчеркивая юмор ситуации: в рейтинге успеваемости он был гораздо ближе к концу, чем к началу, а на «Витязе» всех троих ждали сакраментальные сто двадцать рублей в месяц.

— И чего ты? — спросил Павел. — Согласился?

— Да ну. Полтора часа переться.

Радостный Михаил рвался поболтать с приятелями: было заметно, что он хочет отвлечься от обязанностей, в которые погрузился с рождением наследника. Потом Павел отошел к телефону, чтобы доложить о результатах — его отец, Вадим Викторович, работал здесь же, тремя этажами выше.

Можно было преодолеть эти три этажа за пять минут, но пристыженный Павел отделался коротким звонком без деталей. Вадим Викторович всегда был чересчур высокого мнения об Игоре, держа собственного отпрыска рангом существенно ниже, и злосчастный недотепа был уверен, что, явись он сейчас к Вадиму Викторовичу, тот без труда распознает ход защиты, и, следовательно, в очередной раз утвердится, что его собственное дитя совершенно бездарно.

Когда Павел, повесив трубку, вернулся к Игорю и Михаилу, они уже говорили о другом.

— ... он, между прочим, в комитете вчера был, — рассказывал Михаил, и Павел, поймав конец фразы, понял, что речь идет о Рыбакове, который действительно заходил накануне в комитет комсомола. — Хотел посмотреть, кого с красным дипломом под суд провожать, — Михаил был нарочито бесстрастен, но Павел поморщился, не оценив шутки, потому что Игорю, как командиру летнего стройотряда, действительно грозили неприятности. В финансовых документах по итогам трудового семестра какой-то чересчур грамотный функционер обнаружил мелкое противоречие, и теперь фигуранту со всех сторон сулили чуть ли не уголовное дело.

— Типун тебе на язык, — отмахнулся Павел.

Но Игорь, включив свою фирменную улыбку, позволил голодному до сплетен приятелю вдоволь обсудить его проблемы.

— Этот хмырь, — бросил он небрежно, — говорит: «у вас ста пятидесяти рублей не хватает». Если бы у меня тысячи или двух не хватало — был бы серьезный разговор...

Восхищенный этим хладнокровием, Павел наблюдал за невозмутимостью обычно нервного Игорева лица. Ему самому, напроць лишенному лидерских качеств, какое-либо командирство не светило никогда, но он невольно прикидывал все, что случалось с другом, на себя, и понимал, что на месте Игоря он отнюдь не проявил бы столь капитанского самообладания.

Остаток дня был свободен. Михаил убежал домой, а Павел и Игорь, не торопясь, вышли из замаранной красками проходной «Витязя», где летом, как обычно, длился вялотекущий ремонт. Дойдя до метро, друзья купили мороженого и свернули на просторный, затененный липами проспект, упирающийся в центр Москвы. Настроение было прекрасное — защита диплома с его досадными формальностями ставила точку в их институтской учебе, и теперь все бюрократические препятствия оставались позади. Друзья бродили без цели — болтали и сплетничали, поминая красочные слухи о жене Михаила, студентке-медичке, с которой счастливый муж познакомился на жестокой, чрезмерной даже для отвязанных школяров новогодней пьянке. Предвкушали побережье Черного моря, куда собирались через неделю и куда в приличную гостиницу их определила мама Игоря, Екатерина Алексеевна. Рядили, что Игоревы неприятности безусловно попортят ответчику кровь, но даже если кто-то серьезно вцепится в эту незначительную сумму, то стройотрядовская бригада, скинувшись, легко покроет недоплату. Обсуждали, как защитились другие однокурсники. И спорили о самолете.

Самолет, которым предстояло заниматься их «Витязю», казался столь революционным и прорывным, что старых работников брала оторопь. Несколько руководителей подразделений, по слухам, уже категорически отказались участвовать в этой аванюре. Безумие проекта состояло в том, что самолет управлялся не технической оснасткой, а нервной системой, делаясь как бы продолжением человеческого организма, снабженного летательным придатком.

— Ничего мудреного, — объяснял Игорь. — Чем летательный аппарат отличается от протеза? Все дело в навыках.

Павел не разделял Игорева энтузиазма: он побаивался откровенно странной идеи и не видел себя среди воспламененных безумцев, доводящих до ума эту экзотическую забаву. Он больше рассчитывал на традиционные программы, которые не требовали безмерного полета фантазии и знаний в смежных областях.

Они стояли на площади перед библиотекой имени Ленина, куда их занесло путаными маршрутами по улице Герцена, мимо манежа и военторга. Глядя на спуск к Александровскому саду и распахнув пиджак, веселый Игорь, подставляя лицо ветру, запрокидывал голову и за глаза смеялся над одноклассником, который умудрился превратить свою дипломную работу в анекдот.

— Это же надо, вытащить из-под секретности диплом по бомбометанию! На кафедре ржали, как лошади — открытая тема звучала как-то вроде: особенности сброса продуктов олеоневодам Севера.

Со стороны Арбатской, из прохода между колоннадой библиотеки и проспектом Калинина, высыпала необычная процессия. Впереди шествовал человек в светло-шоколадной двойке, а сзади толкалось разноцветное сборище: женщины в деревенских платьях, мужчины в расхристанных костюмах и белых рубашках, прилизанные дети. Возглавлял толпу измученный баянист — он вяло растягивал черный мех и казался взмокшим от усилий, как мышь. Эта простонародная компания необычно контрастировала со своим элегантным вожатым, в котором друзья узнали Рыбакова.

Тот, в свою очередь, заметил друзей и остановился. Толпа, влекомая за ним, встала, искалочно изучая его путеводный затылок.

— Гуляете? — спросил Рыбаков, переводя взгляд с Игоря на Павла, и обратно. Расплывчатое желе переливалось в его глазах, и настороженному Павлу сделалось не по себе от этого смурного взгляда. — Я тоже гуляю. Моряки, — он кивнул головой на своих покорных сопровождающих. — Из Калуги. Юбилей празднуют, города не знают совсем. Смешно, что моряки — из Калуги, правда?

Моряки замерли, колыхаясь всей ватагой и переминаясь с ноги на ногу. На их лицах читалось мучение свободных людей, угодивших в тягостный переплет, и Павел, проникаясь сочувствием этим к родственным для него душам, увидел себя, сегодняшнего, как бы со стороны — такого же нелепого и взъерошенного.

— Почему ты сказал, что нет применения? — спросил Рыбаков у Игоря, наведя на адресата выпрямленный палец, словно дуло пистолета. Павла он не замечал. — Не жалко было твоего руководителя?

— Нет, — сказал Игорь. — Он привык к кретинам.

Рыбаков ослабил и оглянулся на притихшую свиту.

— Гуляем? — претенциозный взмах руки получился у него неубедительным. — Молодежь! Кто в меня верит — за мной!

И он посеменил вниз по лестнице, а юбилейный сход, облегченно радуясь, что шествие продолжается, ринулся за ним. Игорь с неожиданным азартом сорвался с места.

— Идешь? — бросил он Павлу.

Павел остался и проследил недобрыми глазами, как пестрый людской хвост вильнул мимо метро, к дому Пашкова. Внутреннее неприятие удержало его от бездумного порыва. «Кто в меня верит». А я не верю. И верить не хочу.

Он возвращался домой через город, который замолкал, проживая вечер обычного дня, и везде — на улицах, в вагоне метро, у киосков, на остановках — утомленных, плетущихся домой работяг сменяла более поздняя публика: молодежь, романтические пары, резвые компании, любители ночных развлечений, театралы, завсегдатаи кафе или кинотеатров, пьяницы, дружинники с потертыми повязками. Вагон метро был переполнен — Павел всегда замечал, что чем позднее время, тем больше в вагонах народа, а последний поезд всегда ходит с аншлагом — и можно было любоваться живыми, открытыми, счастливыми лицами. Последние несколько лет, с тех пор как сменилась власть и убрались замшелые генеральные секретари, московская публика поражала Павла какой-то праздничностью, и он приятно дивился этой свежей, бушующей во все стороны света энергетике. Все окружающие казались Павлу очень милыми, он физически ощущал, как по городу разливается душевное тепло, и это компенсировало ему грусть и неприятный осадок от чудного Игорева поступка.

Фонари светились в листве загадочно. Лужи почти высохли, завтра ожидалась хорошая погода. Придя домой, Павел застал охриплую Анну Георгиевну с телефонной трубкой — она делилась с подругами успехами сына. В комнатухе Вадима Викторовича ревели трансляция футбольного матча. Отец в последнее время приходил поздно — Павел знал, что в основной программе «Витязя» установлены очень жесткие сроки, и что Морозов пообещал подчиненным казарменное положение, если изделие не сдадут вовремя.

Сейчас недавно явившийся Вадим Викторович еще не успел поужинать, так что Анна Георгиевна скоро положила трубку и захлопотала на кухне. Зажглась газовая конфорка. Павел оглядывался на дверной проем, за которым голубел телевизионный свет и сожалел, что Вадим Викторович всего лишь смотрит примитивный турнир, а не штудирует какой-нибудь умный том, по примеру Игорева отца — Николая Никитича, который, хотя был чистым управленцем, читал неестественно много, и Павла отчасти раздражало, что громогласный Николай Никитич, казалось, знает об авиации все.

Анна Георгиевна поставила на стол сковороду и, когда сын опустился на табуретку, погладила его по голове.

— Молодец, — просияла она, но Павел заподозрил, что ее оживление вызвано не сыновними успехами, а скорее долгими женскими разговорами. — А Игорь? Лена телефон оборвала: где он? я волнуюсь! Чудная девочка — нашла, о ком... хлеб возьми.

Анна Георгиевна подразумевала, что беспокоиться за Игоря, который всегда на высоте, не стоит в любой ситуации, и что это особенно смехотворно для Игоревой одноклассницы Лены, влюбленной в своего кумира с детского сада. Кумир принимал Ленино обожание как должное, а Павел не влезал в их неординарные истории, тем более что Лену, учась в параллельном классе, знал не слишком хорошо.

— Он не дома, — буркнул Павел. — Отправился в загул, плавно переходящий в запой и дальнейшее разложение личности.

— Фу. Как тебе не стыдно.

Анна Георгиевна относилась к породе лихих гусар — всегдашних победителей, которым от природы положено пить, гулять и пускаться в рискованные переделки. Сам Павел не входил в этот блестящий сонм — когда-то Анна Георгиевна за глаза называла своего плотненького задумчивого ребенка тугодумом, и у того помимо воли осталась детская памятка об ее унижительном словечке.

— Ира звонила, — сказала Анна Георгиевна. — Напоминала про свадьбу.

Павел покачал головой в тщетной попытке отказаться от визита.

— Мам, сходи ты, я там никого не знаю.

Ира, их бывшая соседка, маячила в Павловом сознании кем-то вроде далекой родственницы: трикотажные, растянутые на коленках колготки, шерстяные шортики, банка с окрашенной водой, куда они по очереди окунали колонковые кисточки, и — позже, после пары случайных походов в гости — манерная девица, лупящая по клавишам пианино, в окружении угрюмых молодых людей. Павел даже не знал, за кого из этих мрачных личностей она выходила замуж.

Закончился футбол, и, щурясь, явился Вадим Викторович в майке с пятном от машинного масла. Павел виновато притих, но отец только поинтересовался, когда нужно сдавать «бегунок» и когда выдадут «корочки», а сын уныло вообразил, какими словами расписали его сегодняшние подвиги добрые отцовы приятели — Вадим Викторович числил в знакомых половину фирмы — и на его душе заскребли кошки.

— У нас два ваших раздолбая будут защищаться, — сказал Вадим Викторович. — Уровень слабенький, до Туполева далеко.

— Туполев не оканчивал наш замечательный институт, — резонно возразил Павел. — Он окончил императорское техническое училище.

Он сменил тему и спросил про самолет, о котором так истово судачили в курилках; в тесной кухне не было свободного пространства для троих, и Анна Георгиевна, чтобы не мешать мужчинам, ушла в комнаты, унося аромат розового масла из сувенирной болгарской пробирки, которую ей подарили на день рождения.

Вадим Викторович капнул аджики на картошку и заговорил. Павел, с тревогой рассматривая кровавый сосудик в отцовском глазу, неотрывно слушал и удивлялся, что после абсурдных изречений, сделанных с неимоверным апломбом экспертами во всех науках сразу, он, не выходя из дома, получил самую точную и исчерпывающую информацию.

— На самом деле простая идея, — говорил Вадим Викторович. — Значительная часть у биологов... это другое ведомство, притирка, а они не торопятся, никакой нормальный человек под Морозова не пойдет: он же растопчет, уничтожит, согнет в бараний рог.

Самолет оживал в негромком баритоне Вадима Викторовича, и Павлу, дезориентированному страшилками от всезнаек, представилось ясно, что проект, о котором молили языками, кто во что горазд — не сумасшествие, а грандиозная работа, и он даже вздрогнул от завистливого преклонения перед создателями, взмывшими куда-то на революционные высоты. При-

ятым было только то, что Игорь, судя по сентенциям, которыми он донимал друга, тоже не представлял себе сути, и в этой слепоте друзья наконец-то были равны.

— Только бы не свернули это все, — сказал он. — В рамках перестройки и гласности.

— Если снимут Морозова — будет удар... но не верится. Одно дело — чистить партийную шоблу... другое — величины типа Морозова. Хочется верить, что не совсем у нас дураки сидят. Авиация нужна любой власти. Это основа государства...

Вадим Викторович, поужинав, сразу ушел спать, Павел у себя в комнате еще долго лежал перед сном, слушая, как воркует по телефону Анна Георгиевна и как звенят подростковые гитары на детской площадке. Злость на Игоря прошла: он физически ощущал, как блаженно распускаются его собранные в комок нервы, и как учеба, которая попортила ему немало крови, уходит в прошлое. Нежась в мечтах о взрослой работе, он думал, что теперь его тесным кругом стали люди с «Витязя», и что через несколько дней они с Игорем поедут в Крым.

Крым возник, как мираж, в иллюминаторе «Ил-86»: ржавая лоскутная земля под синеем небом. К моменту, когда самолет оставил позади пятна лимана и начал снижаться, друзья освоились в салоне: оба летали на «Иле» в первый раз, поэтому им в новинку были высокий потолок и свободные проходы, по которым, рискуя свалиться в багажное отделение, бегали дошкольники. Удобство полета служило наградой за безобразную свалку в аэропорту: сначала до последнего момента никак не объявляли регистрацию на рейс, а потом сбивали озверелую толпу с толку, отправляя ее то к одной, то к другой стойке. Где-то в районе Курска самолет попал в облачность, и его немилосердно затрясло; в огромной машине тряска казалась смертоносной, катастрофичной, и женщины трусливо повизгивали, когда в очередной воздушной колдобине у пассажиров перехватывало дыхание.

— Зачем такая махина, — недоумевал Павел, ерзая в кресле. — Если ее нельзя обслуживать толком... набили, как селедок в бочку.

— Отбивают полосу под «Буран», — протянул Игорь. — Не зря же строили.

«Ил» снизился так, что земля с пирамидальными тополями казалась рядом. Взревели двигатели, самолет зашел на глиссаду, а друзья вытянули шеи, припав к иллюминатору и изучая предназначенную для «Бурана» полосу. Тот смутно нарисовался в воображении — среди ангаров, бетонных плит, плоских полей, тонувших в мареве, и полосатых бело-красных вышек. Безликость его гладкой, точно облитой глазурью поверхности, глухой нос, монотонность тяжелого корпуса, скупость выверенных полетных движений — все создавало впечатление, что ракетный носитель совершенно неуместен здесь, среди ленивой курортной публики, и одноэтажных, разбросанных по холмам домиков Симферополя.

— Саня Осипов на Байконур ездит, увидит запуск, — вспомнил Игорь.

— Что «Буран», — сказал Павел. — Я видел, как «Ту-144» садится, и больше этого никто не увидит, — он вспомнил, как лет десять назад, собирая грибы в лесу под Домодедово, разглядел проносащегося над деревьями, изящного богомола со склоненным носом и растопыренными крыльями.

Кресла трянуло, и «Ил» коснулся земли. Через несколько минут он разворачивался на рулежной дорожке, и в иллюминаторе проплывала стоянка трудяг-вертолетов «Ми-8», с поникшими, как лепестки, лопастями — а также полосатые мачты и плоское здание Симферопольского аэровокзала. Потом друзья добирались до Ялты, и по мере того, как приближались виноградники и горы, в небе, которое меняло цвет с блекло-голубого на насыщенную синеву, чувствовалось волнующее приближение моря. В Ялте погода испортилась, хребет заволокло туманом; поднялся шторм, и заморосил дождь. У морвокзала и на набережной былолюдно; бетон, галька, морская пена и море переливались жемчужно-серым, и только пляжные зонтики и полотенца веселили картину. Атмосфера была томная, южная, и было непривычно, что праздные люди не торопятся и не отводят глаз, как на московских улицах, а напротив — открыто разглядывают бледнолицых новичков.

Начинало темнеть, когда вымокшие и усталые Павел с Игорем добрались до гостиницы. За стойкой трезвонил телефон — портье вскидывала голову, и узел из волос на ее макушке смешно дергался. Из обрывков разговора следовало, что Ялта не принимает круизное судно, и что непонятно, будет ли теплоход ждать, или уйдет в Феодосию. Походив по коридорам, друзья нашли окно на морскую сторону и уселись на подоконник. Ветер шумел; раскачиваясь, метались ветки деревьев, и даже стекло подозрительно потрескивало. Игорь что-то высматривал в темно-сизом сумраке и прислушивался к порывам ветра.

— Прямо воеет... Интересно, это завтра закончится?

Здесь, в тепле и спокойствии, уличная непогода казалась свирепей, чем ощущалась бы на улице, и эффектная обстановка — горы, старинные парки, бурлящее море — порождала странный зуд с желанием испытывать судьбу: Павел чувствовал, что он, вполне благоразумный человек, сейчас мог бы с шальным и страстным удовольствием окунуться в пенистые волны, а потом с равным удовольствием степенно сидеть в гостиничном баре под пульсирующие музыкальные ритмы.

Хлопнула дверь. Где-то внизу смеялись. Игорь пошел осваивать гостиничную инфраструктуру, а Павел поначалу разбирал вещи в номере, но, заскучав, отправился вдогонку — друга не нашел, а только наткнулся в холле на иностранных туристов вокруг горы багажа. Пристал теплоход — значит, шторм утихал; Павел поднялся в номер. Телевизор выдал рябые полосы и снежный осыпающийся экран; Павел повертел ручки, решил, что это ветер сбил антенну, и, приготовив жалобу, спустился к стойке. Игорь сидел на диване и, преодолевая языковой барьер, о чем-то говорил с миниатюрной светловолосой девушкой. Беглый взгляд выхватил из облика иностранки характерные черты, привлекающие внимание: узкое, вытянутое лицо и неряшливый пробор. Павел с усмешкой припомнил инструктаж о секретности, категорически возбраняющий контакты с чужеземцами, и снова поднялся в номер. Телевизионный сигнал не улучшился. В дверь постучали условным стуком, и Павел, подавляя зевоту, открыл дверь, за которой обнаружил раскрасневшегося Игоря.

— Сейчас моя дама придет, — выпалил тот и воровато оглянулся в сторону лифта.

— Ухожу, — Павел, удивляясь, как стремительно развиваются события, взял кошелек и надел ветровку. На улице было темно. Павел автоматически, словно все пути вели к морю, спустился вниз, мимо заборов, фонарей и вытянутых свечками деревьев, на залитую водой набережную. Ялта, которая днем отторгала Павла карикатурной сутолокой, сейчас присмирела, и ему было на удивление хорошо. Побережье, от Гурзуфа до Ливадии, насколько хватало глаз, искрилось огнями. Волны бухали, обрушивались на волноломы и затопляли ступени лестницы. Тяжело переваливаясь, пришел катер, и кто-то на его борту ругнулся в матюгальник.

Пронзительные огни настраивали на лирический лад, и Павел загадал, из каких краев приехала в Ялту узколицая девушка, которая вовсе не показалась ему привлекательной. Отдых начинался странно, и внутренний голос подсказывал, что приключения только начинаются. Павла, привыкшего к эскападам друга, все же раздражало, что его бесцеремонно изгнали из уютной комнаты с телевизором и с диваном — в бурю и в ночь, на чужие улицы, на холодный пляж.

Под ногами хрустела вязкая галька. Город с людьми остался за спиной — только на пирсе отрешенно маячила сутулая фигура. Наблюдая за яростными накатами волны, Павел присел на полуразбитый ящик, валявшийся у стенки. Воздух лился в легкие. Впечатления, уложенные в сегодняшний день, настроили нервы, и без того обостренные дорогой, на лад какого-то щемящего и тревожного предчувствия.

Он беспокойно думал, что с трудом учился, кое-как переползая с курса на курс, но что работать ему, может быть, будет еще труднее. Пока он гадал, как коснется его новая пугающая тематика «Витязя», и чем в конце концов обернется вся эта полуинженерная экзотика, шторм стихал. Одинокая фигура двинулась к набережной, волоча ноги, словно утяжелен-

ные гирями. Залитая солнцем посадочная полоса и стремительное удаление симферопольских окраин мелькнули в памяти Павла, наблюдающего нырки огней полупустого катера, которого швыряло на волнах на пути в Ливадию. Возникло странное видение: Павлу почудилось, что он летит — и от скорости, от бьющего в лицо ветра, и от предвидения фатально набегающей пропасти у него закружилась голова, и его затошнило — он сжал кулаки и вдохнул полной грудью, радуясь облегчению, которое сперва принял за избавление от приступа, но обнаружил, что недуг не отпустил его, а обернулся любопытной химерой: измученные нервы внушили ему, будто он перевоплотился в кого-то, кто умеет летать — в птицу или в самолет — убеждая, что это его родная среда, и что ему нравится парить в небе. В лицо бил мокрый ветер, и Павел прикрыл глаза; в его мозгу пульсировал могучий импульс восторга, который передавался всему телу, ощущавшему власть над высотой и пространством. Ликование не помешало все же включить логику, и Павел, утомленный боязнью странного самолета, который интриговал его месяц кряду, решил, будто некое наитие показало ему на практике, что чувствует человек, пилотирующий чудо-машину. От этого открытия у него перехватило дыхание, и он поразился, до чего оказались недалёковидны все инженеры, специалисты, кандидаты наук и прочие доморощенные эксперты, которые жужжат по курилкам, не вникая волшебство проекта. Живой самолет.

Волна напозла на ботинок и спугнула видение. Промокшая нога охладила пыл визионера и с неловкостью за экзальтированные мечты вернула к реальности, в которой он, бывший студент-троечник, который едва не провалил диплом, сидит на мокром пляже, в городе, где нет ни одной знакомой рожи, и не знает, куда пойти на ночь. Вдыхая, он все-таки поднялся в гостиницу и отыскал в этажной рекреации закуток, где кое-как пересидел ночь в мучительном полусне, перебирая фразы, обращенные в воображении к Игорю, и воскрешая по крупницам — выбирая сладкий опыт из мышечной памяти и ловя мысли, ускользающие в дремоту — удивительную иллюзию живого самолета.

Утро для него, злого и измученного, началось с уборщицы в домашних тапках, которая, не тронув странного гостя, прошла мимо. Потом заиграло радио и захлопали двери. Павел потянулся всеми конечностями и, вскочив на ноги, метнулся к номеру — постучал и уже собрался на стойку за ключами, когда щелкнула задвижка и выскользнул в накиннутой рубашке босой Игорь, притворяя за собой дверь.

— Ты как? — спросил он, глядя невидящими глазами сквозь Павла. — Можешь принести вина? И еще: позвони моим — или своих попроси, чтобы они...

Игорев голос был так серьезен, что Павел внимательно пригляделся к сомнамбулическому лицу, отмеченному тенью щетины на подбородке.

— Можешь собрать мой чемодан? — ответил он вопросом на вопрос и отправился в бар, за бутылкой с общепитовской печатью. Обмен состоялся, когда растрепанный Игорь выставил в коридор чемодан Вадима Викторовича, с которым тот обычно ездил на испытательный полигон.

На улице сияло солнце, расцвечивая пышность протяженного берега — белые корпуса зданий, мол, пристань, изумрудные горы, прогулочные корабли. Промозглое утро сменилось жарким днем, пляжи были усыпаны людьми, море рябило и переливалось серебряными искрами. Павел с чемоданом вышел к набережной и, пока он стоял, любясь видами, рядом закружила курортная бабушка, предлагая ночлег. Услышав смешную цену — пятьдесят копеек — Павел рассмеялся.

— Это же сарай? — спросил он.

— Зато у моря, два шага — и купайся. Отдохнешь... не в хоромы же приехал.

Павлу вообразилось пятидесятикопеечное подобие собачьей будки, и то, как курьезно ломался первоначальный сценарий, привело его в восторг. Он уже предчувствовал, как восхитительно проведет неделю, и как забудет об Игоре с его вечным превосходством, навязшей в зубах оригинальностью и непозволительными романами.

Он смаковал эту вкусную картинку, но соблазнительные иллюзии быстро поблекли, перестали его занимать, и пораженного Павла шокировало, что восторг в его душе питается не легкомысленными химерами, а вчерашним видением. Он больше двадцати лет мирился с имиджем троечника, склонного к безделью, и теперь, когда он ощущал себя увлеченным, прикоснувшимся к некому знанию человеком, ему было приятно и непривычно сразу. Ему, будущему подвижнику новой авиации, понравился его неожиданный облик. Счастливо улыбаясь, любуясь собой, авторитетным и умелым, он уже знал, что отбросит прелестные мечты и уедет из Ялты — и его, панически боявшегося потерять отголосок головокружительной грезы, не останавливала даже перспектива давки у симферопольских билетных касс.

Он помотал головой, подхватил свой знаменитый чемодан и зашагал на автобусную станцию. К ночи того же дня он был в Москве, скрыв, отчего вернулся, а через день, преодолев нестыковки, вышел на работу — в подразделение, где писал диплом.

— ... и правильно, — одобрил Валера Кожин, скучноватый начальник сектора. — Морозов говорит, что отпуск подчиненных он рассматривает как личное оскорбление.

Валера, очень спокойный и дружелюбный, но необщительный, как многие вундеркинды-самородки, уроженец тихой Лебедяни, закончил институт с красным дипломом и быстро поднялся на первую командную ступень, но затормозил на ней из-за недостатка честолюбия, а также из-за клинической неспособности что-либо объяснить. Павел достаточно намутился от этой Валериной невнятности, пока писал диплом — Валера, если у тупого ученика возникали вопросы, тербил, как школьник, тонкие усики и что-то неразборчиво бормотал, а Павел до смерти пугался, что не знает очевидных вещей.

На «Витязь» наваливалась середина лета. Половина сотрудников где-то отдыхала, двери в безлюдных комнатах были распахнуты настежь, по коридорам гулял сквозняк, вздымая занавески и снося со столов бумаги с грифом «для служебного пользования». Руководитель диплома, утомленный стрессом от защиты, улетел в командировку, в сороковую армию, и Павел понадеялся, что тот отвлечется в Афганистане достаточно, чтобы по приезде начать их совместную работу с чистого листа. Воображая головокружительную посадку в прицелах замаскированных «Стингеров», нацеленных на кабульский аэропорт, он уверенно считал, что после таких тревожных человек прощает окружающим мелкие ляпы.

Игорь еще был в Ялте. Через два дня он дозвонился до родителей и сообщил, что у него все в порядке, попутно попеняв, что неразумный друг вел себя, как дитя — а Павел как-то окольным путем разобрал краем уха точную, даже сверх сведений, которыми владел он сам, сплетню, где точно называлась страна, откуда приехала ужоликая девушка, найдя этому факту единственное объяснение: мир тесен, и Игорь в Ялте наткнулся на каких-то болтливых знакомых. «Витязь» был большой деревней с неизбежными слухами и сарафанным радио.

Павел с жаром накинулся на груды отчетов, которые подсовывал ему Валера, но через пару дней совершенно сник. Обалдев от псевдонаучной разноголосицы и взбадривая свои параличные мозги, он обнаружил, что все эти отчеты написаны как будто для шпионов, чтобы никто их физически не понял — и что про новый самолет в них нет ни слова. Он изнемогал от чувства неполноценности, ему было адски скучно, он, зевая, засыпал над бессвязными и косноязычными страницами и уже досадовал, что клюнул на примитивную обманку.

Зато, пока не было Игоря, он заводил новые знакомства. Он сдружился с техником Сашей Галаевым со стенда полунатурного моделирования — до «Витязя» Саша пять лет протрудился стюардом на внутренних линиях «Аэрофлота», и теперь Павел охотно внимал его рассказам о городах и о летных происшествиях, перелицованных Сашиными парафразами в веселые истории. Плохо представляя себе непосредственную авиационную эксплуатацию, Павел верил всему, удивляясь только незаурядному Сашиному хладнокровию.

— Летели как-то в Ростов, — посмеивался Саша, когда они с Павлом, сидя на лавочке в обеденный перерыв, наблюдали учрежденческий футбольный поединок. — Разгерметиза-

ция, пикируем с одиннадцати тысяч метров на три. Меня в воздух подняло, развернуло и на ящик шлепнуло. И объявляют по трансляции: граждане пассажиры, не волнуйтесь, снижаемся, потому что самолет попал в грозовой фронт. А в иллюминаторах — солнце, и ни облачка.

— Граждане пассажиры паниковали? — спросил Павел.

— Не успели. Паника — не дай бог, особенно на ровном месте. Как-то подлетаем к Шереметьеву, самолет «коробочку» делает над Пирогово, и как обычно: свет погашен, двигатели режут, самолет носом к земле, в иллюминаторе земля переворачивается — река, дома, деревья... горизонт — неизвестно, где... тишина. Вдруг ребенок — первый раз в полете — орет благим матом: «Мааама! Страшно!». Народ цепенеет, но терпит. Снова поворот, рев двигателей, земля крутится — и опять: «Мааама! Страаашно!». Истерика. Народ начинает роптать: мол, не могли бы вы заткнуться — нам самим, между прочим, страшно. А как его заткнешь?.. — он благодушно крикнул играющим: — Судью на мыло! — и задорно проводил глазами траекторию тугого мяча, взлетевшего так высоко, что на спортивный снаряд с опаской покосились коллеги из распахнутых окон второго этажа.

Сашины байки удивляли Павла тем, что в них, как в капле воды, отражались характерные противоположности: с одной, так любимой Павлом стороны, блистали таланты, созидающие беспрецедентную для всего мира машину; на другой стороне протекали будни людей, которые, не отходя от семейных историй, очередей за колбасой, супружеских измен, дач, сервантов с хрусталем, детских садиков, свадеб, похорон и прочего быта приспособливали чудеса техники к повседневному обиходу так же естественно, как использовали кувалду, отвертку или гвоздь. И, если Павел восторгался потусторонней магией, которая являлась ему в чертежах и в математических формулах, то сейчас эту благоговейность немилосердно разрушал Саша, смеявшийся над психом, который перед вылетом на Ригу в последний момент растолкал стюардесс, выпрыгнул из самолета и припустил наутек по летному полю.

— По уму должны всех высадить, выгрузить багаж и найти, что он сдал. Но это часа три — а кэгэбэшник, гнида, даже не вякнул. Что проку от них?..

Но одно новое знакомство Павел оценил особенно, с легким скепсисом, хотя и понимал, что другой бы на его месте форсировал удачу. Придя как-то с Михаилом в столовую, он следом за приятелем обратил внимание на пару за дальним столиком. Перед худым молодым человеком с пышными усами едва умещались на подносе тарелки; расправляясь столовской снедью, уса́тый держал речь и вдохновенно сверкал глазами. Темноволосая девушка с кукольным личиком, слизывая с ложечки сметану, внимала сотрапезнику без эмоций.

— Давай к Маше пойдем, — предложил Михаил. — Что, были на лекции? — спросил он, без церемоний воздвигнув поднос на стол. Усатый, если и рассердился на вторжение, не подал вида.

— Я пас, — он взмахнул рукой в часовом браслете. — Мне показалось подозрительным, и дел много.

На «Витязь» частенько приглашали ученых — отчитываться об открытиях или расширять научный кругозор самолетостроителей, чей профессиональный багаж со временем сужался до примитивного набора элементарных формул.

— Я была, — сказала девушка, улыбаясь, и Павел удивился, как странно смотрятся на ее фарфоровом, с акварельным румянцем, личике распахнутые глаза, источавшие недюжинный темперамент и силу. Пока сотрапезники обменивались репликами, Павел уже понимал — по интонации мелодичного голоса, по лукавому взгляду, по легкой улыбке — что Маша чем-то выделила его из остальной компании. Михаил с уса­тым, подчиняясь желаниям дамы, начали гнусно ей подыгрывать, и Павел из вежливости тоже вовлекся в галантный поединок, хотя нескрывае­мый Машин интерес скорее отталкивал его, чем привлекал.

После обеда Павел узнал от Михаила, развеселенного чужим флиртом, что Маша закончила университет, а ее мама заведует секретной библиотекой. Машину маму все называли

Инной Марковной, но ее подлинное отчество было Марковна, что лаконичным штрихом указывало на семью с крепкими большевистскими традициями. Услышав про ведомство первого отдела, Павел, решил, что к девушке лучше не приближаться, и на время забыл о ней.

Он проводил рабочее время, листая брошюры с техническими характеристиками, параметрами и аббревиатурами. Дни проходили бесплодно, но как-то его, заинтригованного, оторвали от рутины и отправили на непонятное мероприятие, мальчиком на побегушках, где с толпой компетентных начальников он стоял среди летного поля на сохлой траве, шурился на солнце, на город, который окружал аэродром, и гадал, зачем здесь собрались люди, сканировавшие загадочным вниманием старенький «Ан-2». Павлу приглянулся этот авиационный ветеран, и он с удовольствием наблюдал, как фыркнул двигатель, как растворились в воздухе лопасти пропеллера, как самолет покатился по полосе, а потом легко оторвался и полетел, покачивая крыльями и комично, в раскоряку расставив шасси.

Возглавлял наблюдателей Морозов, окруженный как известными персонажами, так и незнакомцами, среди которых Павел отметил забавного старичка лет семидесяти. Старичок был тихий, бледный, какой-то очень нежный, с синеватой до прозрачности кожей, усеянной возрастными пятнами. Сизый костюм болтался на его усохшем теле, как на карандаше. Павла особенно поразили его крошечные, детские ручки и чрезвычайный пиетет, с которым Морозов, разворачивая свою дородную фигуру, склонялся к кроткому, но полному достоинства морщинистому личику.

— Это Решетников, — прокомментировал Женя Козленко — озабоченный карьерой партиец, явившийся на мероприятие из каких-то политических соображений. — Легендарный человек, — он принялся, загибая пальцы, перечислять старичковы заслуги, а пораженный Павел, рассмотрев на раздуваемом, как парус, пиджаке Решетникова единственную лаконичную награду, блестящую звезду Героя Социалистического Труда, представил, как придавили бы к земле эфемерную фигурку Решетникова остальные награды, вывеси тот на костюмное сукно весь свой иконостас.

— Будет консультантом, — сообщил Женя конфиденциально. — Знаешь, почему он согласился? У него большая тема — единственный сын разбился в авиационной катастрофе...

— А наше изделие не бьется? — спросил Павел, сжимаясь от сострадания к Решетникову.

— Предполагается аварийность меньше на порядок: исключается промежуточный контур управления.

Произнося эти бессмысленные термины, любопытный Женя боковым крабовым ходом незаметно приблизился к начальникам, и Павел последовал за ним.

— А ведь я, Анатолий Ефимович, — солидно, но ласково рокотал волоокский Морозов, и его полные щеки лоснились от пота, — Помню, когда с этого аэродрома каждый час взлетал «Ил-28».

— С тридцатого завода уходили? — кивнув, спросил Решетников еле слышно.

— Пекли как пирожки. Рев стоял!..

Свита заулыбалась. Потом «Ан-2» нацелился пропеллером в толпу, и, фырча, приземлился на бетон. Отвалилась дверь, по шаткой лестничке спустились люди, а Женя потянул Павла к самолету, из которого выбирался летчик. Тот уверенно подал Жене руку, и Павел, не удивившись, вспомнил Женины рассказы о его занятиях в парашютной секции.

— Дернули, понимаешь, вчера — ни с того, ни с сего, — пожаловался летчик. — Еле успели отмыть... сидения, может, липкие еще. Вчера одна добрая душа рюкзак не закрепила, а в нем банки с компотом из слив. Как хряснуло! — он махнул рукой. — Все вдребезги.

— Много пропало, Леонид Васильевич? — посочувствовал Женя.

— Жидкость пропала, конечно. А сливы мы съели.

— Со стеклом?

Леонид Васильевич посмотрел на Женю прямо из-под набрякших век, чуть усмехнулся и ответил:

— Не, мы же умные. Мы ягоды ели — а стекло выплевывали.

Его светлые глаза смеялись, но лицо хранило каменное выражение, и было непонятно, издевается он или говорит всерьез.

Павел, ранее считавший Женю всего лишь легкомысленным честолюбцем, сразу оценил приятеля самым высоким баллом, представив, как тот забирается в жестяную коробочку с клепками и как выбрасывается в пустоту на головокружительной высоте. Завидуя Жене, он понял, что перестанет уважать себя, если не прыгнет хотя бы раз, попутно прикинув, что неплохо встретить Игоря после его романа с иностранкой, анатомически не отличимой от отечественных барышень, в престижном качестве — парашютистом. Пока ученые толпились в стороне, он познакомился с Леонидом Васильевичем, и тот с хитровой ухмылкой дал понять, что ключи от неба в его руках. Совещание закончилось, толпа разбрелась, а Павел обратил внимание на другого участника планерки — мужчину лет сорока, с точеными чертами лица и агазовыми глазами. Бросилось в глаза, как бережно тот, подойдя к самолету, погладил обшивку, словно собачий заговор.

— Кто это? — спросил Павел у Жени, краем глаза указывая на незнакомца. Тот скосил взгляд.

— Смежная организация. Биологи, кажется.

Несколько дней воодушевленный Павел, упорно мучимый приморским видением, твердил себе, что должен прыгнуть. Его уже разочаровала скучная работа, не дававшаяся разуму; он томился по Ялтинской иллюзии полета, изыскивая к ней альтернативные пути. Скоро он, хороня в спортивной сумке бутылку из неприкосновенных запасов Анны Георгиевны, которая отоваривала их водочные талоны, прибыл на аэродром, разыскал Леонида Васильевича и был представлен тренеру Николаичу, краснорожему дяде в драной синей олимпийке. Гостя пригласили в каморку, и Николаич забренчал железом, разыскивая под грудой лома посуду.

— Серьезная постановка вопроса, — приговаривал он, одобрительно рассматривая бутылку. — А то мы от этих «приветов Горбачеву» утомились. Хорошо, урожай пошел, томатную пасту днем с огнем не найдешь.

Он вытащил охотничий нож, одним ударом пробил доннышко консервной банки и ювелирно, не оставляя зазубрин, открыл тушенку.

— Ты не из общаги? — спросил он, принюхиваясь духу из банки. — Маменькин сынок? Были тут общажники — довело, что Борисом Федоровичем пробавляются.

Он разлил водку по кружкам, оживленно подрагивая ноздрями от предвкушения выпивки.

— Знакомые ездили на туристическом поезде в Среднюю Азию. Когда за Гурьевым по пустыне пилили — были, как волки на Луну. Доехали до Средней Азии — оказалось, магазины завалены одеколонами. Там такое не пьют. Ну, они скупили запас, и всю дорогу давили «Александра третьего» давили, — он подвинул компании кружки, заполненные равными, с точностью до миллилитра, объемами.

— А мы, когда жили в общаге, — добавил он, посерьезнев. — Играли в танковые бои. Танком был спичечный коробок, который приклеивался к четырем тараканам. Можно было воздушные бои устроить — но тараканы не летают...

Ошарашенный Павел кивал, кусая кем-то вставленный ему в руку бутерброд. Новые знакомые отведывали водку из эмалированных битых кружек, реагируя на выпивку лишь довольным кряканьем, а непьющего Павла спиртное быстро сморило. Он очнулся, когда Николаич бесцеремонно ткнул его в плечо.

— Подъем... пора в небо.

Разминая руки и ноги, спотыкаясь, вылезший из каморки Павел на ходу приходил в себя. Он уже не понимал, зачем он тут, и как у него хватило сумасбродства так дерзко искушать судьбу.

— Не бойся, — подбадривал Николаич. — Все приземляются... никто еще в небе не оставался.

Явились спеленатые мумии товарищей по несчастью. Группу затолкали в салон и рассадили на жесткие сидения; взвыл с противным рокотом мотор, и земля в один момент ушла куда-то вниз. Звук двигателя бил по нервам; ударила сирена, косолапые товарищи один за другим исчезали в пустоте, и Павел в помраченном тоской осознании, как бестолково он жил все годы, понял, что обречен — в этот момент сокрушительный удар в копчик выбросил его наружу. Свет опалил глаза, и Павел, обожженный этой вспышкой, рефлекторно заскреб руками воздух, ища опору, чтобы подняться обратно. Внутри что-то взорвалось; он погрузился в такое физическое неудобство, что пропал даже страх. Потом его дернуло, и он закачался на стропях в восторге, потрясающем измученный переживаниями организм. Небо было синим, горизонт — голубым и дымчатым, а поселок выглядел с высоты, как остатки мусорной кучи, которую сгребли гигантским совком, продавив в поверхности ошметки и борозды. Следя, как заворачиваются края горизонта, Павел впитывал каждой клеточкой тела высотный воздух. Однако это безвольное снижение не давало упоительной власти над небом, испытанной на Ялтинском берегу. Он ощущал себя безответной игрушкой воздуха — и, когда земля придвинулась вплотную, забыл, как держать ноги, и свалился неудачно, ужаснувшись хрусту то ли в амуниции, то ли в кости.

Ковыляя и прихрамывая, Павел возвращался домой. Его восторженное настроение перегорело в избытке впечатлений. Ступив из электрички на вокзальный перрон, он вздрогнул от боли в боку и задумался о худшем, заранее подбирая слова, чтобы объяснить дома возможно сломанное ребро — рассказать правду ему, в предвидении родительской истерики, даже в голову не приходило. Он стоял у столба и собирался с силами перед рывком в метро; чей-то давящий взгляд неприятно уперся в него из толпы, и, узнав Машину изящную головку, венчающую поднятый воротник твидового жакета, он даже рассердился на себя за то, что некстати оказался на ее пути, словно умышленно сделал что-то неправильное.

Он прикинулся, что не заметил девушку — опустил глаза, и через минуту обнаружил у своих грязных ботинок на асфальте ее лаковые туфли с пряжками.

— Болит или плохо? — спросила она в лоб, отбросив ненужное приветствие. Обстановку она оценивала мгновенно — обессиленный Павел, который в другое время, выдержав достоинство, отстранился бы от нее, согласно формальному протоколу, сейчас проблеял что-то невразумительное. — Подожди... такси найду.

Мелькнули ее низкие каблуки, и девушка исчезла.

— Где ж ты его... — скалясь, пробормотал ей вслед Павел, ни минуты не сомневавшийся, что в сутолоке вокзала, среди нахрапистых и бесцеремонных очередей с тюками и баулами, это воспитанное создание, конечно, не удержит свободную машину.

Вдыхая папиросный чад и угольный дым, он восстанавливал дыхание, представлял, с какими испытаниями столкнется Маша на привокзальной площади, и изрядно удивился, когда вынырнувшая откуда-то девушка твердой рукой, как взрослый ребенка, провела его боковыми ходами в переулочек и запихнула в бежевую «Волгу», а тронутый ее вниманием Павел, хотя такси и не входило в его планы, подчинился.

— Может, в больницу? — спросила Маша, наклоняясь к заднему сидению, и за расстегнутой пуговицей ее шелковой блузки блеснула золотая цепочка.

— Нет, — выдавил Павел, испугавшись ее командного голоса и ее глаз, в которых светилась ненужная ему улыбка. — Домой...

Глядя, как за окном проплывают фасады московского центра, он, еще по инерции гордясь, что получил новый опыт, уже клял себя за глупость. Он напрасно понадеялся, что мистическое впечатление повторится само, на автомате, и игнорировал инструкции, нарвавшись на немедленную расплату — однако неприятнее всего в нем отозвался спасительный Машин поступок, и Павлу, который еще ежился от пронизывающего Машиного взгляда, категорически претило, что девушка вторгается в его судьбу.

Доехали до дома. На сумеречной улице горели фонари, но, войдя в подъезд, Павел попал в густую темноту с запахами засоренного мусоропровода. Он чиркнул спичкой; неяркое пламя выхватило из тьмы двери и раскиданные по ступеням огрызки — потом огонек, испустив едкий дым, погас. Павел постоял, глядя на оконный прямоугольник; болела нога, болело ребро, и грудь щемила тоска привычного уже одиночества, в последнее время не оставлявшего его ни на работе, ни дома, ни в идиотских начинаниях, ни в мимолетных интрижках. Московские друзья отдыхали, кто где, а институтское общежитие разбежалось по домам. Он так привык, что Игорь всегда рядом, что уже жалел, что уехал из Ялты, и волновался, что нет ни одной весточки с юга. Предстоящая Ирина свадьба, которую он держал в памяти скептически — многолюдное торжество из тех, которые его покойная бабушка именovala «мещанскими» — среди разящего его сплина представилась ему, как соломинка для утопающего, и его потянуло окунуться в суетливый праздник с варварскими обычаями, вроде тамады, атласных ленточек, куклы на капоте «Волги» и пьяных криков «горько!». Он спалил еще одну спичку и выдержал, пока она, ужалив пальцы, прогорела целиком. Зашипел, дуя на руку, и на душе стало легче.

Но его приключения не закончились. Когда он, мечтая, как завалится на диван, и как его сразу отпустят боль и усталость, переступил порог квартиры, Анна Георгиевна, многозначительно мигнув, предупредила его:

— У тебя гости.

В ее обобщающем термине таился некий подвох. Готовясь к неприятному сюрпризу, Павел отворил дверь в свою комнату и наткнулся на резковатый парфюмерный запах, отдающий тертой морковкой. У стола сидела Лена, Игорева одноклассница, безнадежно влюбленная в своего идола с незапамятных времен — и, постукивая пальцами по глянцевым страницам, листала альбом «Русский музей». Старый театральный билет, служивший закладкой, лежал рядом на столе. Когда Павел вошел, Лена подняла голову, и в свете лампы заиграли мелкие кудряшки ее золотистых волос.

— Зачем тебе это? — не здороваясь, недовольно спросила она и указала на книгу.

После треволнений дня Павел не соображал, как отвечать на этот странный вопрос. Он промолчал, а Лена заложила билет между страниц и закрыла альбом.

— Ты прямо какой-то, — она насмешливо, дрогнув золотой короной волос, покачала головой. — Любитель искусства.

Пренебрежительный голос с придыханием подразумевал, что ей смешно даже предположение, будто ее собеседник разбирается в искусстве.

— А вот я, — она отодвинула альбом и с вызовом сморщила напудренный носик, — не люблю Сурикова.

Павел по-прежнему молчал. Лена встала, поправила голубую полотняную юбку и быстро обмахнула ладонью лицо.

— Ты что, из гаража? От тебя несет бензином.

Павел, угодивший из огня в полымя, выдохнул, разлепил губы и пробормотал «кто бы говорил...». Лена впиалась в него глазами.

— Где он? — выпалила она трагически и не уточняя, что речь идет об Игоре. — Почему ты здесь? Вы же поехали вместе!

Павел считал неуместными разбирательства даже от человека, имеющего на вопросы об Игоре законное право — в отличие от Лены, которая подобных прав не имела. Его раздражали ее ненатуральные всхлипы; шагнув к дивану, он поморщился.

— У меня дела, а у него нет.

Она презрительно взмахнула руками.

— Господи, ну какие у тебя дела?

Она заходила по комнате, а Павел, шагнув к дивану, ступил на пострадавшую ногу и поморщился от боли. Его страдальческая гримаса не укрылась от Лены, которая истолковала его мимику по-своему:

— Вы подрались?

Павел вяло возмутился.

— Да почему мы должны были подражаться?

— Что с ним? Рассказывай!

Из-за того, что она стояла, он не мог сесть и терпеливо переминался, опираясь на край стола.

Лена истерически, мелькнув острыми локтями, заломила худые руки.

— Как ты мог!.. — восклицала она. — Как ты мог его оставить?

— Может, сядешь? — попросил Павел уныло.

— Не сяду! — она задохнулась от возмущения. — Ты... я тебя знать не хочу!

Ореол золотистых волос, дыша морковной пылью, с негодованием проследовал к двери. Павел наконец расслабился и опустился на диван. Женственный Ленин голосок задел натянутые нервы, которые, уже ошпаренные горячими Машинными глазами, заныли теперь на грани сладкого, мучительного блаженства. Он снова, как десятью минутами ранее, на лестничной клетке, как-то особенно горько осознал, что безмерно одинок и противоестественно отдален от настоящего биения жизни — от Игоря, вечно балансирующего у черты морали и закона, от Лены с ее трепетными истериками, от Леонида Васильевича, который честно выполняет свою опасную работу, от Николаича, мучимого абстинентным синдромом, от кого угодно — хотя бы от мутного Рыбакова, который бесцеремонно возглавляет чужие юбилейные процессии, хотя его никто не просит — но, вне зависимости от окружающего сонма, подлинная жизнь упорно проходит мимо, а ему, темноволосому увальню-крепышу, остаются бессмысленные, калечащие его выходы, вроде прыжков с парашютом.

— Пойду я на Ирину свадьбу, — сообщил он Анне Георгиевне со вздохом.

Свадьбу, на которую он добросовестно явился, праздновали через несколько дней; в ноздри Павла, когда он вошел в просторную, как аэродром, квартиру, ударили запахи ванили, маринада и жареной курицы. Гостю было некуда приткнуться: одну комнату, превращенную в склад, занимали продуктовые упаковки; во второй комнате бушевало застолье; в третьей, заходясь икотой, рыдала женщина с багровым лицом; в четвертой, на двуспальной кровати, высилась гора гостевых сумок и плащей. Заметив, что Павел дичится этого вопиющего неудобства, Ирина мама, Раиса Кузьминична, усадила его рядом с собой у двери.

— Славный парень — указывала она на счастливого жениха. — Принцессу нашу любит, взбрыки ее терпит. Ты знаешь, ее не всякий выдержит.

Возбужденная принцесса напоминала мокрого павлина. Краем уха Павел терпеливо выслушивал обожающую сплетни Раису Кузьминичну и скоро узнал, что Иринин жених — переводчик, свекровь — научный сотрудник в музее, а свекор — искусствовед, но усатого мужчину с хорошей выправкой Павел счел искусствоведом, про которых говорят «в штатском». Чувствовалось, что новая Ирина семья существует в другой, непривычной среде, которую Павел, активно отторгаясь от замешенного на «деловых» отношениях стяжательства, не одобрял. Потом Раиса Кузьминична запела про длинноносую свидетельницу, поведав жуткую историю про ее лечения от экземы. Павел, проклиная минуту слабости, приведшую его в этот

вертеп, готовил эмоциональные выражения к своему будущему отчету для Анны Георгиевны. Потом позвонили в дверь, Раиса Кузьминична вскочила к очередному гостю и замешкалась в прихожей. Повернув голову, Павел мельком увидел что-то буднично-кухонное и решил, что это кто-то из соседей жалуется на музыку или клянчит луковицу. Он отвернулся и разобрал только, что Раиса Кузьминична восклицала, дергая пришедшую за руку:

— Зайди, Лида! Поешь, поздравь!

Гостя появилась в дверях; это оказалась молодая девушка в байковом халатике с васильками. Ее медовые волосы, постриженные в каре, цеплялись за ухо с одной стороны, а с другой закрывали щеку. В ее серых глазах таился плохо скрываемый смех. Павел даже пожалел, что эта залетная птица, конечно же, сразу исчезнет, захватив соль или луковицу, но к его удивлению, новая гостя скоро уже сидела рядом с ним. Под немыслимый рев девушка быстро опустошила тарелку, на которую Раиса Кузьминична сгребла яства со всех блюд подряд: салаты, копченая рыба, соленые грибки. Мягкая ловкая ручка с пикантной ямочкой между пальцев убирала еду размеренно и быстро; девушка ела с таким приятным достоинством, что у Павла тоже прорезался аппетит. Близким локтем он чувствовал ее ровную, немного отрешенную собранность. Раиса Кузьминична предложила девушке вина, но та твердо проговорила «нет», и Павел полез через чью-то лысину за кислотным «дюшесом».

Потом Лида заправила упавшие волосы за ухо и поблагодарила хозяйку. Раиса Кузьминична опять засуетилась у двери.

— Паша! — позвала она. — Помоги, милый!

Она провожала Лиду, пытаясь совладать с авоськами, банками и баночками. Здесь было все, что дачники навязывают знакомым, чтобы не выкидывать в помойку.

— Не бойся, не последние — Паша донесет.

Лида посмотрела на Павла, улыбнулась, и он отметил особенность ее алебастрового лица — незаметную носовую складку, отчего линия губ, когда она улыбалась, походила на виньетку.

Завербованный впопыхах грузчик зашагал за Лидой вниз. Его растопыренные пальцы еле удерживали ручки авосек, в которые Раиса Кузьминична бестолково напихала все подряд. Девушка не оборачивалась, и перед Павлом маячил ее медовый затылок. Она остановилась у двери с драной обивкой, где из прорех торчала вата, вошла в прихожую и, мелькнув голым коленом, отшвырнула лежащую на полу тряпку. Тошнотворный, как в подворотне, запах неприятно поразил Павла.

— Спасибо, — Лида отвернулась, и, выплыв из комнаты, на гостя уставилась рыжеватая девочка-подросток в физкультурной форме. Если Лидино лицо было правильным, но не особенно приметным, то девочка смотрелась недюжинной красавицей, хотя от блудливого взгляда ее лихорадочных глаз Павлу сделалось не по себе.

— Тебе повезло, — бросила ей Лида, увлекая за собой в комнату и прерывая мяукающее приветствие «здрааа...». — Вкусностей прислали.

Брошенный в прихожей Павел прикрыл шаркающую дверь и вернулся двумя этажами выше, в выскобленную до блеска Ирину квартиру — с весельем, счастливым смехом, топотом и звоном рюмок, и Раиса Кузьминична снова оказалась рядом с ним. Теперь она уже сплетничала о Лиде, а послушный Павел обнаружил, что эта неотесанная девушка, в отличие от влиятельных свояков и шелудивой свидетельницы, ему интересна. Он узнал, что Лида на нищенскую зарплату лаборантки содержит лежащую мать и младшую сестру.

— Мышей режет, — говорила Раиса Кузьминична. — Раньше полы мыла — академия рядом. Офицерики молодые, стойку делают... Я говорю: найди кого-нибудь. А она мне: они подневольные — куда пошлют, а на мне семья. Был у нее роман с одним. Она мне говорит: тетя Рай, кое-что от жизни получила, и ладно. Смотрю по вечерам — идет одна... жалко девку.

У Павла было еще свежо впечатление от Лидиной квартиры, где ему не понравилось абсолютно все — тошный запах, сиротская атмосфера, мутная девочка. К тому времени род-

ственники напились и разбились на компании, Иринины подружки, среди которых не нашлось ни одной соло, щебетали со своими спутниками — и у всех поголовно из-под новых праздничных платьев, еще не обкатанных в носке, торчало нижнее белье: лямки, кружева, комбинации. К одиннадцати часам Павел распрощался и поехал домой. У метро кучковались мрачные таксисты, и снисходительный Павел предположил, что в багажниках у них водка и что они ждут покупателей. Он проходил мимо, когда пьяненький вихрастый гражданин потребовал «На Красноармейскую!», а Павел заулыбался, связав название улицы с музеем авиации, куда его водили со школьным классом. Воспоминания о крошечных комнатках музея, о скрипучих полах и висящих под потолком макетах не нарушили его идиллического настроения. Разгоряченный и приятно взволнованный весельем, он шел по улице и не думал о Лиде, ушедшей в его личную копилку — Анну Георгиевну, для которой он готовил подробные саги, не интересовали сторонние персонажи — но, держа вдалеке Лидин образ, он именно от него чувствовал скрытую теплоту и объяснял эту странность тем, что единственный среди кутежа человек, не охваченный общим безумием, против воли вызывает симпатию. Сидя дома в кухне, он долго рассказывал про свадьбу, но о Лиде не упомянул.

Скоро приехал посвежевший Игорь. Павел столкнулся с ним в коридоре «Витязя» вполне буднично, словно ничего не произошло. Игорь даже не сильно загорел, и знакомые издевательски шутили, что, наверное, он вовсе не был на юге. Друзья пошли пить кофе в облицованный плиткой буфет «Витязя» и, выкладывая на стойку груды мелочи, Игорь скупно улыбался. В байках про Ялту он, упуская характерные мелочи, вовсе не касался своего романа, а Павел, почуяв, что для Игоря эта тема неприятна, прикинулся несведущим с отбитой памятью. Зато Игорь увлеченно рассказывал, как переменчива Ялтинская погода — после Павлова отъезда ударила жара, а потом разбушевался шторм, и ходили слухи, что три человека утонули.

— Странно, — произносил Игорь, лунатическими глазами изучая чашку, а Павлу казалось, будто он видит там нечто отличное и от узора, и от воображаемых картин морского ненастья. — Трое утонули, а все купаются тут же.

Он высчитывал объем Черного моря и впадающих в него рек, пока к ним не присоединились Михаил Сапельников и его приятель Никита, только что получивший диплом дружественного института. Отодвигая стулья, эти двое прервали свою беседу о черных поясах, и удивленный Павел, глядя на спокойного Никиту, подумал, что свирепое увлечение каратэ — странная идея для такого мирного парня, но потом заметил, с какой самолюбивой нервозностью его новый знакомец держит осанку, и без противоречий увязал его облик с жестокими мужскими играми.

Потом, оставив Михаила и Никиту, они с Игорем шли по извилистым коридорам и внутренним переходам, говоря уже о работе. Оказалось, что Игорь не тратил времени зря — он успел забежать в другие подразделения и получить где-то на стороне, из высоких рук, информацию, которая до Павла не доходила.

— Знаешь, что Рыбаков затевает? — он видимо хотел поделиться этими сенсационными новостями. — Совместное предприятие с французами.

— Я думал, Рыбаков займется новым самолетом, — удивился Павел.

— Это сомнительная тема, — скривился Игорь свысока, явно повторяя чье-то чужое мнение.

В районе административного здания Павел узнал одного из встречаемых — темноглазого незнакомца, который неделю назад панибратски погладил на аэродроме обшивку «Ан-2». Пролетев его путь, Павел приободрился, обнаружив, что и ему есть, чего порассказать — например, что Ялтинский шторм обернулся для него неожиданной стороной, и что он, прыгая с парашютом, едва не переломал ноги, которые ныли и сегодня, когда он бежал к автобусу. Пока он открывал рот, им попался высохший старик в пегом пиджачке. Пустые глаза со скорбной физиономии, дававшей старику сходство с печальным енотом, апатично обшарили Павла и

перебрались на его спутника; старик остановился, назвал Игоря по фамилии и произнес безразлично:

— Что ж не заходишь — стесняешься? Напрасно, я жду.

Безмятежное лицо Игоря, которого не просто было выбить из колеи, помутилось от расстройств, и он, покорно меняя курс, шагнул на необычный зов.

— Кто это? — тихо успел спросить Павел.

— Тагиров. Заместитель по режиму.

Павел открыл рот, гадая, радоваться или огорчаться, что пересекся с великим и ужасным Тагировым, бывшим на «Витязе» фигурой не менее легендарной, чем Морозов, которому заместитель по режиму — единственный на предприятии — не подчинялся, чем немало бесил всемогущего диктатора. Про дотошность полковника КГБ ходили легенды; говорили, что Тагиров в собственной профессиональной области, подобно Морозову, знает все, что творится на «Витязе» до последней мелочи.

Придя на рабочее место, Павел досадовал: то, что темноглазый биолог спокойно расхаживал по «Витязю», свидетельствовало, что кто-то уже вовсю работает над крышеносной темой, пока Павел ковыряется в устаревших до его рождения материях. Он покусывал отмеченную зубами предшественников ручку, когда в дверь заглянул Игорь, безмолвным кивком вызывая друга в коридор. В коридоре встрепанный, с пепельным хохолком, похожий на страдающего птенца Игорь уставился Павла и спросил в упор:

— Ты настучал?

Павел не понял вопроса, и даже не обиделся, а сначала заволновался, что Игорь сошел с ума. Потом из-под его ног ушел пол со вздутым линолеумом. Чудовищная напраслина, прервав мечтание о самолете, мгновенно очернила и жуткого Тагирова, и Игоря, и даже «Витязь». Кроткое воображение Павла не смогло изобрести, как достойно вести себя в подобной ситуации. Сгорая от стыда, он вернулся в комнату. Ему нечего было возразить: он не предупредил Игоря о слухах, которые свободно перемещались по предприятию и не могли уйти от ушей заинтересованных служб. Щеки его пылали; его казнил не только Игорев приговор — он вдруг обнаружил, что бесцельно просиживает штаны на убогом месте, где его быстро оттеснят к бесперспективным работягам, дополнив изгнание клеймом стукача. Он так глубоко ушел в минор, что Игорь, который вернулся на место и величаво листал какой-то труд, через несколько часов почувствовал неладное, посылая слабые сигналы, пропадавшие все — поглощенный мыслями Павел ничего не замечал. Под конец дня Игорь подал голос:

— Ладно... обойдется.

Павел кивнул, и Игорь, увидев, что собеседник витает далеко, насторожился. Он по-прежнему не понимал, почему послабления, которые его прощтрафившийся друг обязан принимать с радостью, натываются на стену; молчание становилось тяжелым. Когда он ушел, Павел вздохнул свободнее, желая всей душой, чтобы инцидент с Тагировым разрешился благополучно. Он не помнил, чтобы органы реально кого-то наказывали, и даже один показательно высеченный инженер, который вынес через проходную кустарную, обернутую в бумагу с секретными расчетами, брошюрку об искусстве любви, отделался легким испугом.

Он прошелся по комнате и посмотрел в окно на административный корпус. Третий этаж, с кабинетами Морозова и парадным залом, еле подсвечивался, но весь четвертый горел во всю мощь, и любопытный Павел решил приятной мелочью завершить несуразный рабочий день. Ему захотелось потолкаться среди людей, с кем-нибудь познакомиться или помочь по хозяйству: на первых порах любому коллективу требовалась тягловая сила для переноски мебели. Он поднялся на четвертый этаж; оживление исходило из комнаты, где раньше располагалась радиоэлектронная лаборатория. Забарабанили шаги быстрых ног по металлической лестнице, и нудный мужской голос позвал:

— Сергей Борисович? А, Сергей Борисович? Куда эту чушку?

Под лестницей, сгибаясь, чтобы не ткнуться макушкой в перфорированную ступеньку, темноволосый биолог оборачивался к прыщавому малому, который, завидев чужака, скривился и классическим футбольным ударом захлопнул дверь — а довольный своей разведкой Павел, зная «витязевские» порядки, не обиделся.

Когда он шел обратно по спящему административному холлу, что-то ожило: из распахнутой двери на стены и на полированный пол лег свет, озарив золоченые рамы с портретами выдающихся людей «Витязя». Возглавлял галерею знаменитостей сам Морозов, над которым изрядно постарались первоклассные фотохудожники, вбившие в снимок тонну ретуши, чтобы придать бычьему лицу директора хотя бы оттенок элегического благородства. Оригинал, выйдя из приемной, воздвигся тут же; Павел укрылся за колонной, напрасно надеясь, что директор его не заметил — не показав вида, что обнаружил во владениях чужака, Морозов постоял, усыпляя бдительность незваного гостя, и потом строго спросил:

— Кто это? Ты зачем здесь?

Павел глупо поклонился и изобразил руками, что намеревается идти своей дорогой. Морозов, чье чеканное лицо тонуло в тени, не смотрел явно в его сторону, однако неторопливый паук прекрасно видел все мучения попавшей в его сети мухи.

— А, — узнал он. — Ты — тот студент... с неудачным дипломом.

Павел похолодел. Он не заблуждался на счет своего диплома, но открытие, что он ославлен по всему «Витязю», ударило его, как пощечина. На собственной шкуре он убеждался, как верны легенды, что директор знал о предприятии все, вплоть до кличек котов, которые харчевались при столовой. Знал даже, что самого наглого и вальяжного кота величают, как самого Морозова, Александром Ивановичем. Пока Павел приходил в себя, Морозов, шевеля губами, втянул голову в мощные плечи. Наклонил чугунную голову, выставил вперед лоб, словно абордажный таран, и двинулся на выход. Его хмурое лицо проследовало за задником из декоративных лиан и листьев фикуса.

Павел вылетел из здания, как пробка из бутылки и очнулся на улице, автоматически наблюдая пересеченную трубами и проводами территорию, где маячили, как призраки, тени полуночных работников. Перебирая взглядом окна, поднимающиеся где-то полосы дыма или пара, он не знал и не понимал, зачем нужны были эти трубы, куда проложены провода, чем заняты люди, бредущие к проходной. Перспектива остаться в стороне от серьезных дел, вызвала у Павла, добитого встречей с Морозовым, страх, похожий на жалкие в своей растерянности дерганья внутри взмывавшего с земли «Ан-2». Эта последняя капля в чаше неурядиц побудила его к действиям, и он отправился к Вадиму Викторовичу, заклиная, чтобы тот, хоть и не планировал сегодня задерживаться, оказался на рабочем месте.

Вадим Викторович, заметив сыновнюю угрюмость, помрачнел. Вокруг Павла хлопотали, отыскиали для него чашку сомнительной чистоты, и скоро Павел молча прихлебывал некрепкий чай, пока двое молодых специалистов, балуясь, поливали лимонное деревце на подоконнике настоем из бульонных кубиков из продуктового заказа. Глядя на эту возню, Павел ощутил укол самоуничтожения, потому что проказливые парни работали на «Витязе» уже год, так что знали и умели больше Павла, как бы он не надувал щеки. Беспокоясь, как отнесется к его идее Вадим Викторович, Павел размешивал в чае сахарные крупинки и смотрел на цветное фото за стеклом: новенький, обвитый курящимися вокруг профиля реактивными струями «Су-27», который среди полупрозрачных газовых потоков распластался в воздухе, победно застыл в предельной точке «кобры». Красавец «Сухой» был единственным, кто не подавлял его безыскусственным превосходством. Этот восхитительный образец инженерного искусства никому не портил настроения, и косящийся на изображение Павел, любуясь колдовским истребителем, немного успокоился.

Потом они ехали домой, и Вадим Викторович хмурил брови, раздумывая над внезапным намерением сына, редко проявляющего инициативу. Трезво оценивая Павлов потенциал, он

опасался, что проект, который чересчур выпадал из ранга «витязевских» задач, либо быстро отменят сверху, либо «Витязь» попросту с ним не справится, и диковинный самолет передадут другой организации. Особенно это повредило бы работникам, не успевшим как следует себя зарекомендовать.

— Все вилами по воде писано, — предостерегал Вадим Викторович, когда они шли домой по улице, и что-то пьяное чудилось Павлу в остром запахе скошенной травы. — Проект везет Морозов, — продолжал он. — Что с ним случись, вряд ли это кто потянет.

— Что, снимают? — удивился Павел. — Переводят?

И Павел, который незаметно выпал из сфер общественной молвы, узнал новость, что в рамках поветрия к демократии повсюду выбирают начальников, и что на «Витязе», возможно, устроят такие же выборы — как и положено, с альтернативными кандидатами.

— Курам на смех, — говорил Вадим Викторович с горечью. — Все через задницу — может, еще войска будут выбирать командующего? А что ты с Валерой не поделил? Он вообще-то странный парень — никогда не поймешь, что он говорит.

Переходя от тревожной реальности к шутке, Вадим Викторович вытащил из устных анналов все связанные с Валерой истории, и Павел понял, что может рассчитывать на отцовскую помощь. У дома Вадим Викторович тактично резюмировал их разговор:

— Все-таки подумай, не мечись из стороны в сторону. Запросишься обратно — Валера не возьмет, он злопамятный.

Они договорились, что Павел беспристрастно обдумает свой план, а Вадим Викторович пока разузнает обстановку.

Но Вадим Викторович оказался прав — подошел выборный день. Павел пробрался в зал, сопровождая Женю, который тараторил без устали, не закрывая рта. На сцене Павел узнал дощатую кафедру, знакомую ему по своей окаянной защите диплома. Надутый молодой человек в вареных джинсах, игнорируя зрителей, постучал пальцем по микрофону и проговорил: «Раз-раз-раз». Микрофон загудел.

На сцену гуртом высыпало начальство; все расселись. Павел старался уловить живой проблиск в свинцовом спокойствии Морозова, в его сонных глазках, которые сделались странно маленькими, в его плечах, над которыми дыбился твердый пиджак, но ничего не находил при всем желании: опытный боец обернулся для неприятелей неприступной крепостью.

Председатель кое-как добился тишины в зале. Морозова представлял трудовому коллективу секретарь партийной организации, который не был на «Витязе» освобожденным работником, то есть скромно знал свое место и не вылезал за пределы митингов и первомайских демонстраций. Морозов, в зависимости от момента, то терпеть его не мог и всячески третировал, то вообще не замечал. Соответственно, сотрудники «Витязя», зная, что Валентин Сергеевич не допущен к серьезным вопросам, привычно засыпали на его речах праведным сном. Морозов сидел, как бессмысленный истукан. Президиум, семь пожилых мужчин, одеревенели в неудобных позах на фоне пустого киноэкрана. Напряженную статику нарушил только Рыбаков, который взбежал на сцену и приземлился у края стола; Морозов даже не скосил на него глаза, а лишь сильнее осел в плечи. Рыбаков улыбнулся, подпер голову и соорудил художественную позу с красиво сложенными пальцами. Наблюдая эту мизансцену, Павел удивился, насколько свободный в движениях Рыбаков на фоне застывшего президиума с замшелыми уродцами — сутулые фигуры в бесформенных костюмах, клочья бесцветных волос вокруг лысин, стыдная кунсткамера, возглавляемая свирепым, изображающим пуп земли богдыханом — олицетворяет противоборство, происходящее в зале.

Настала очередь представлять варяга — от его имени вылез остроносенький, со складчатой, точно снабженной жабрами шеей, министерский чиновник, запевший про конверсию и международное сотрудничество. Публика недоверчиво заколыхалась. Международное сотрудничество в секретной отрасли, где всевозможные режимы неразглашения вошли в коллектив-

ную плоть и кровь, представлялось всем как пятое колесо к телеге, и никто не знал, зачем оно нужно и как с этим работать.

— Наши начальники хотят в самолетостроение впихнуть невпихуемое, — изрек внимательный Женя.

Каменный, со сцепленными на столе руками Морозов активно не нравился Павлу. Прекрасно зная, что именно директор продвигает желанный самолет, Павел все равно не справлялся с непроизвольной антипатией и уверял себя, что проект на самом деле не зависит от Морозова — что программа, которую пропустили через высочайшие инстанции, никуда не денется, и что новый руководитель, приди он к власти, займется темой еще активнее, чем старый.

— Каждый должен заниматься своим делом, — прокомментировал Женя. — Лучше, чтобы Морозов занимался «Витязем», а не эта моль сушеная.

Когда представитель министерства закончил речь, поднялся галдеж. Профсоюзные активисты выскочили в проход и вцепились в Морозова с вопросами о профилактории и о дачных участках, расположенных в болоте и оттого пренебрегаемых очередниками. Собрание грозило перерасти в хозяйственную склоку, а председатель отчаянным хрипом потребовал соблюдать регламент. Пока вокруг шумели, один из замов Морозова, преспокойно пожав всем ручки, поднялся и исчез в кулисах, а гармоничный Рыбаков перелистал бумажки, спустился со сцены и, держа осанку, встал под занавесом, окруженный группой приближенных, в которой Павел заметил и Игоря.

Председатель, крича в немилосердно гудящий микрофон, призывал собрание к порядку. Граждане, которые заскучали от бестолковости мероприятия, стали просачиваться к выходам; из кем-то открытых боковых дверей потянуло свежестью.

— Зачем так унижать человека? — поморщился Женя, и Павел увидел, что тот пристально разглядывает Морозова, чье окаменение теперь выглядело демонстративным.

Начали голосовать. Когда взлетели первые руки, Морозов встряхнулся — его глаза проснулись и забегали по рядам, пересчитывая конечности. Павел смог бы поклясться, что директор запоминает каждый персональный выбор своего непутевого электората. Занятно было смотреть, как у увлекшегося делом Морозова сразу втянулись хомячьи щеки и в умных глазах затеплился победный блеск. За него проголосовали почти все, и дисциплинированный Женя вскинул руку в ожогах от аккумуляторного электролита, но Павел призвал себя не поддаваться порыву. Он окончательно определил, что вообще не понимает, плох или хорош для «Витязя» новый кандидат, и счел себя обязанным воздержаться, обнаружив, что оказался в числе пяти невнятных дурачков. Голосующих за варяга оказалось больше: с энтузиазмом взметнули руки диссиденты местного разлива, и в разных концах зала обнаружилось еще несколько идейных противников Морозова, который учел эти неприятельские голоса со скукой, не найдя для себя ничего нового. На этом собрание закончилось, и публика стала расходиться. Женя отправился по своим делам, и Павел пошел по коридору один, но потом его догнал Игорь и зашагал рядом.

— Рыбаков голосовал за Морозова? — спросил Павел, хотя прекрасно видел, что это было именно так.

— Конечно. Почему он должен был голосовать против Морозова?

— Я воздержался, — сказал Павел.

— Ну и дурак, — бросил Игорь. Оскорбленный Павел открыл было рот, намереваясь поведать, что слепое почитание начальства недостойно мыслящего человека, но понял, что это будет глупо, и пристыженно смолчал.

— Знаешь, что Рыбаков машины закупал во Франции? — продолжал Игорь. — Те, что у нас в вычислительном центре, он как раз выписывал, через Мексику... или Гондурас... рассказывал — эпопея. Знаешь, как называется направление? «Маятник». С ума сойдешь!

Так Павел узнал, что у его мечты есть секретное название — и, когда хлопоты Вадима Викторовича принесли результат, он был уверен в себе, как человек, направляющийся к известной и точно определенной цели. Правда, он испортил отношения на старом месте, потому что Игорь задумал аналогичный побег, в рыбаковское подразделение, где международное сотрудничество было уже на мази. Но если к Игорю начальство снисходило доброжелательно, то выходка Павла, не обещавшего крупных достижений, выглядела помехой, нарушающей рабочий ритм. С таким багажом Павел предстал перед новым начальником, Глебом Николаевичем Бородиным, который быстро расхаживал по коридору вдоль окна, гася избыток энергии. Взятому в оборот новобранцу начальник устроил перекрестный допрос, и Павел, вынужденно следуя за Глебом Николаевичем по пятам, подробно рассказал, чему его наставляли в институте. Глеб Николаевич представил новичка нескольким встречным — среди них оказался начальник подразделения Юрий Захарович Лабазов.

Перед Лабазовым Глеб Николаевич, прекратив моцион, остановился, как вкопанный. Тот с печалью склонил голову, и его меланхоличная улыбка сделалась мрачной, словно мука за несовершенства мира раздирала душу начальника подразделения днем и ночью.

— Хитрый ты, Глеб Николаевич, — проговорил он со вздохом, и Павлу показалось странным сочетание ума и беспомощности в лабазовских глазах. — Правильно, что набрал женщин. К тебе такие молодые красавцы, — он кивнул на Павла, оценившего слово «красавец», как фигуру речи — пачками будут слетаться, как мотыльки на лампу.

Потом Глеб Николаевич завел Павла в комнату и с покровительственной полуулыбкой представил сотрудницам. Женщин было трое, и в одной Павел, оторопев, узнал Машу. Вторая, с каштановыми волосами, Валя — немного за тридцать и с обручальным кольцом — была, в отличие от нарядной Маши, в недорогом платье, а третьей была сорокалетняя кокетливо-простодушная Рената Евгеньевна, чьи непомерно высокие каблуки в представлении Павла мало соответствовали возрасту.

— Увел у Смоляницкого молодого специалиста, — игриво сообщал Глеб Николаевич, ловко барражируя между столами. — Там двое убежали: один к нам, другой — к Рыбакову. Конечно, губа не дура... понятное дело, в командировки лучше в Париж, чем в Сары-Шаган. Вот где были все удовольствия. Клопы с кулак величиной. Делали так: кровать обливали кипятком, а ножки ставили в банки с водой — так эти твари лезли на потолок и пикировали. А самое страшное бывало по субботам. Из Ташкента приходил самолет с водкой, и все упивались вдрызг: на всю жуткую степь — ни одного трезвого.

Рената Евгеньевна по-хозяйски оглядела комнату и осведомилась у Глеба Николаевича, где он разместит сотрудника. Освоив стол, Павел посмотрел в окошко, привыкая к панораме, в которой перед наблюдателем открывалась перспектива соседних, родственных «Витязю» учреждений. За забором начиналась территория НПО «Полет» с ангарами, гаражами и кривовоковыми строениями. За ними электрически светилося здание НИИ «Туман», о котором злые языки судачили, что деятельность подозрительной конторы покрыта туманом, скрывающим вопиющий непрофессионализм и беспардонную растрату народных денег. Следом тянулась загадочная промзона с темно-кирпичными сараями, где временами речка-вонючка, протекая мимо обвитого колючей проволокой забора, окрашивалась в неестественные химические цвета. Дальше изгибалась железнодорожная ветка, за ней шла насыпь, и следом, за лесозащитной полосой — обычные жилые районы, разбавленные зеленью тополей и берез. Мирная картина упиралась в горизонт, над которым царил небо, усыпанное барашками перистых облаков.

Когда Вадим Викторович спросил, понравилось ли сыну на новом месте, тот изобразил эйфорию, покрывив душой: пока нравиться было нечему. Четверо серьезных соседей по комнате отнеслись к новичку с прохладцей, не особенно полюбопытствовав, кого к ним занесло. На следующий день Павел решил, что с утра, не теряя ни минуты, погрузится в работу, но Глеб Николаевич задержался на несколько часов. Заминка взбесила Павла, заставив его елозить на

стуле, напротив мучимой аналогичной проволочкой Маши, пока занятые коллеги по-свойски предлагали девушке упражнения, чтобы скоротать время.

— Займись личной жизнью, — посоветовал Лева, полноватый отец двоих детей, которого Павел посчитал поверхностным любителем сального юмора. — Зачем такое рвение?

— В самом деле, Маша, — согласилась Рената Евгеньевна, подпиливая ногти. — Давай мы тебя выдадим замуж?

— Я была замужем, — ответила Маша, и обвела шокированных мужчин горячим взглядом.

— Когда ты успела? — ахнула Рената Евгеньевна. — Ну это же, наверное... первый блин — комом? Можно выйти еще раз.

— Можно выйти много раз, — подсказал спортивный, рано лысеющий лыжник и рыболов Георгий. Его, вроде словоохотливого, окружала невидимая стена отчуждения, сразу относя собеседника на почтительное расстояние.

— Нет, я выполнила биологический долг, — Маша вытянула в проход остроносые туфельки. — Имею право заниматься тем, что нравится.

— У тебя же нет детей? — продолжала удивляться Рената Евгеньевна. — Или есть?

Маша подтвердила, что у нее нет детей, и что она не представляет себя матерью.

— Рожать, чтобы продолжаться... любить, чтобы рожать... готовить, чтобы есть — это все не мое. Противно, что ли, — она передернула плечами. — Не люблю физиологию.

Очередная пошлость замерла у Левы на губах, войдя в диссонанс с напряжением Машиного голоса. Рената Евгеньевна выглядела изумленной, а Георгий, отхлебнув чаю из полулитровой емкости, констатировал:

— Тебе надо переориентироваться: именно у нас заложена физиологическая составляющая.

Разговор повернул к воспитательным вопросам, а потерявший интерес Павел, которому свои дети, не вызывая принципиального отторжения, виделись еще нескоро, задумался над неожиданным углом Машиного зрения и спросил себя, правильно ли он сделал, перейдя на программу, которая возбуждала в даровитых специалистах шизофренические идеи.

Ему уже чудилось в Маше нечто зловещее. Словно сама судьба, угрожая его планам, посылала ему эту сирену с фарфоровым румянцем на щеках. Встретившись с Машей взглядом, он отвел глаза; теперь симпатичная девушка тревожила его вдвойне: она, с ее трудолюбием и способностями, оказывалась его конкурентом, если в пополнении доискивались бы безусловного лидера. Он избавился от блистательного Игоря, но напоролся на круглую отличницу в ее сумасшедшем стремлении к свободе от женской доли. Проигрывать Игорю было не стыдно — проигрывать Маше было унижительно, и Павел понял, что у него нет выхода: ему оставался бешеный, до кровавых от бессонницы глаз, до скрипучей раскладушки в машинном зале, иступленный рабочий темп. А вечером, возвращаясь домой, он увидел на асфальте детские рисунки, и среди них кривой самолетик, в котором Павел признал реактивный истребитель. Разглядывая круглый ротик воздухозаборника, условный фонарь-глаз и гибкие птичьи крылья, попутно гадая: это «МиГ-15» или «МиГ-17» — Павел улыбнулся смешному шаржу и почему-то уверился, что нашел свое место.

Несколько дней он притирался к коллегам: пил со всеми чай и обсуждал политические новости, вызывавшие бурю в комнате, разделенной на ретроградов и сторонников прогресса — тихих и неагрессивных ретроградов было мало, в отличие от буйных реформаторов. Он уходил от разговоров с Машей, держась с девушкой подчеркнуто вежливо. Он не знал, отчего Маша его отталкивала: она, всегда готовая прийти на помощь, была добра и внимательна ко всем, а ее незаурядный ум, позволявший легко оперировать точными науками, превращался в цепкую хватку, когда вопрос касался быта. Маша была красива: Павел не раз спохватывался, что любит румянцем ее кукольного личика. Но завоевательная энергия самоуверенной жен-

щины отпугивала его — и было что-то непривлекательное в чертах Машиного лица, когда она поворачивала голову, натягивая шейные складки под подбородком. У нее были жирные волосы с мучнистой перхотью; придя на работу, она, сняв с расчески паутину, плавным жестом руки отправляла войлочный ошметок в мусорник — а, пока неаппетитный клочок планировал в корзину, внутри Павла что-то гадливо вздрагивало.

Сторонясь Маши и неспешно перебирая, кто из женщин, окружавших его, заведомо свободен, Павел как-то вспомнил про занятую девушку с медовым затылком и смеющимися глазами, пережившую, как поведала ему Раиса Кузьминична, военно-полевой роман и всецело занятую больной матерью. Ее декларативный, со слов соседки, отказ от серьезных отношений означал, что она свободна и не недотрога — что она не недотрога Павел еще тогда установил по бедовым искоркам в ее глазах, по чуть насмешливой улыбке, по чему-то необъяснимому в выражении лица — по всему.

Как-то после работы он от безделья замаскировался на лавочке за яблонями у Иринино дома, приладили к амбразуре между листьев и вперился в поворот с улицы. Стремительный и упругий шаг, схваченный боковым зрением, привлек его; он повернулся и узнал Лиду, которая так разительно отличалась от изможденной и вымотанной трудовым днем окрестной публики, и так раскованно и задорно, вскинув голову, летела над дорожными колдобинами, что очарованный Павел невольно ею залюбовался. Закатное солнце сквозь пересыпающуюся листву золотило ее мягкие волосы. На Лиде было ситцевое платье со знакомыми уже Павлу васильками, а с ее плеча свисала вязаная сумка. На «Витязе», где ухоженные и обеспеченные женщины норовили своими модными нарядами перешеголять друг друга, такие тряпки никогда не носили; Павел мог бы принять Лиду за гостью из убитой деревни или за пассажирку «колбасной» электрички, когда бы не знал, что перед ним москвичка. Ее, казалось, не волновало отличие ее простенькой одежды от приличных нарядов прохожих; расправив плечи и покачиваясь, она словно шла по песку. Восхищенный Павел заметил, что она босая, и что она легкомысленно помахивает босоножками, зацепив их тонкие ремешки за палец. Стояли теплые дни и еще можно было ходить босиком, но, чтобы кто-то прогуливался по городу без обуви, Павел в Москве наблюдал лишь на пляже в Серебряном Бору.

Пропустить такое было никак нельзя, и кавалер ломанулся из кустов, не разбирая дороги. Увидев его, Лида нахмурилась, но узнала шапочного знакомого и приняла его заигрывания спокойно. Павел шутливо предположил, что она занимается гимнастикой — на «Витязе» работал экстремал, который ходил по снегу босиком и иногда разворачивал для ночлега тент под балконом — но она лишь покачала головой.

— Каблук шатается, — сказала она.

— Надо прибить — заметил Павел.

— Прибей.

Павел подхватил ее реплику, как мячик, брошенный ему в пинг-понге:

— Я не ношу молоток и гвозди.

Он протянул руку, но Лида спрятала поноску за спину — Павел догадался, что она стесняется своей стоптанной обуви — но потом решила и протянула ему многострадальные босоножки. Павел, который не умел чинить обувь, пошатал кривой каблук и хладнокровно отодрал его от подошвы, довольно заметив, как вздрогнула испуганная Лида.

— Теперь я, как честный человек, обязан возместить ущерб, — пояснил он.

Он знал, что у метро есть мастерская, и догадывался, что, если Лида не воспользовалась ею по дороге, то это значит, что у нее попросту нет денег на ремонт.

Лида хранила олимпийское самообладание. Павел направился к метро; девушка, подняв уголки виньеточных губ, двинулась следом.

— Уже не хромаешь? — спросила она, и его тронула ее чуткая к болезни наблюдательность. Он рассказал, что хромал, потому что неправильно приземлился, и получилось, что он ей первой рассказал о своем рисковом прыжке.

Сапожник долго приколачивал каблук и раздражающе мешкотно тянул руку к кнопке, медля включать шлифовальную машину. Терпеливый Павел не роптал, но, когда ему предъявили готовое изделие, он недрогнувшей рукой оторвал каблук снова и потребовал переделать, как положено, на совесть.

— Работа над ошибками — мой конек, — пояснил он Лиде. — Знакомый говорит, что я за него спасаю ситуацию, — он имел в виду Игоря.

Сапожник, оценив крепкие кондиции клиента, смолчал и приколотил каблук намертво. Павел сделал третью — на этот раз тщетную — попытку, и, награжденный за усилия, услышал радостный Лидин смех. Хохоча, они вышли на улицу, и Лида весело запрыгала по асфальту.

Они отправились бродить, куда глаза глядят. Павлова спутница говорила о себе без хитростей, и Павел узнал, что Лидина мать, Альбина Денисовна, больна диабетом, из-за которого ей по частям ампутируют ноги. Что Лида отучилась только десять классов и вынуждена работать, хотя Альбина Денисовна — кандидат химических наук. Что отец с ними не живет, и где он, Лида не знает, хотя, если судить по алиментам на шуструю сестру Ксюшу, с которой никакого нет сладу, он не благоденствует. Когда Лида говорила, наблюдательный Павел видел, как замирают припухшие веки над ее серыми глазами — и понимал, что она готова, как только ей помнится снисходительность благополучного счастливец, с ходу развернуться и уйти. Но Павел был предупредителен, и болезненно чуткая Лида не обижалась на его слова, а, услышав что-нибудь отрадное, расслаблялась, и в ее глазах скакали смеющиеся зайчики. Пара гуляла без цели, но Павел на любой развилке автоматически сворачивал на знакомую дорогу, к себе, и, когда они подошли к Павлову дому, красно-желтое закатное зарево погасло и наступил вечер.

— Вот и драка, — сообщила Лида, приметив, что на проезжей части сцепились двое.

Одним драчуном был Игорь. Стычка казалась серьезной, и Павел отстранил Лиду, но, когда он подрос, Игорев соперник — парень с впалой грудью под рубашкой, приталенной с деревенским шиком — был нокаутирован коротким ударом. Тренированный Игорь, который с детства был мастаком на подобные атаки, отряхивался и прихорашивался так добросовестно, что даже не удивился, когда Павел прибыл к нему пост фактум.

— Отелло хренов, — процедил он злобно в ответ на вопрос. — Что? Да ничего!

Дернув плечом, он разгоряченной пьяной походкой зашагал к тротуару. Обессиленный противник лежал на мостовой, отбросив жилистую руку и едва подавая признаки жизни. Наклоняясь над поверженным с опаской — как бы тот не вспомнил, к примеру, про запряганный в кармане нож или про битое стекло — Павел встретился с полными отчаяния глазами. Страдалец с суетливым страхом, что его добьют лежащим, ползком отпрянул от Павла.

— Не надо здесь лежать, — осторожно проговорил Павел, обеспокоенный тем, как непредсказуемо метались в орбитах эти безумные глаза.

Лежащий скрипнул зубами от бессилия, но боль отрезвила его, и он доверчиво, тяжело дыша, подался навстречу спасителю; Павел потянул на себя чужое, пахнущее потом тело. Он дотащил неуклюжего драчуна до газона и уложил под дерево, когда произошло то, чего он так боялся — в приближающемся шуме заскрежетали тормоза, и из-за угла вылетел грязный «Жигуленок». Автомобиль занесло и юзом протащило по дороге; потом он, оставляя резиновую полосу, вильнул, выровнялся, пролетел на красный свет через перекресток, и скрылся так же внезапно, как появился. Павел похолодел, представив себе этот торжественный выезд пятью минутами раньше. Звук двигателя стих за домами и наступила относительная тишина — такая отчетливая, что Павел разобрал приближающийся топот Игоря, который сначала бежал, но, разглядев, что проезжая часть уже пуста, замедлился на быструю ходьбу, подошел и встал, переводя дыхание. Упиваясь мгновением торжества, Павел не прерывал паузу. Он чувство-

вал, как преданно смотрит на него Лида. Спасенный из-под колес незнакомец засучил ногами, и потом, с усилием сохраняя равновесие, поднялся и побрел прочь. Игорь очнулся, неестественно сложил дрожащие губы в кривой улыбке и произнес:

— Чувак, у тебя талант к исправлению моих ошибок.

Он кивнул Лиде, отвернулся и зашагал к дому, на ходу восстанавливая твердость знакомой Павлу походки.

— Мерзавец, — бросила Лида вполголоса.

Павел, воздерживаясь повествовать об Игровых дарованиях, ответил:

— Я знаю его с первого класса. Он гений.

— Он мерзавец, — с горечью повторила Лида. — Я на таких нагляделась, пока мама болеет. Сильные санитары леса, готовы разорвать слабого — закон стаи.

Вынеся Игорю окончательный приговор, она посмотрела, развернув Павлово запястье, на его часы — и гуляки встрепенулись, что уже поздно. В автобусе Павел, повиснув на поручне, с мечтательной улыбкой качался в такт колесным толчкам, пока Лида, сидя в кресле, провожала задумчивыми глазами фонари и редкие автомобили. Проводив девушку и придя домой, Павел был так доволен вечером, что не хотел нарушать приятный целостный эффект, разнимая его на составные части. Даже Анна Георгиевна, которая опасалась сюрпризов ночной Москвы и встречала сына с тревогой, когда он возвращался поздно, заметила что-то радостное в его лице и улыбнулась в ответ.

Этот вечер показался ему глотком свежего воздуха среди напряженного рабочего ритма, от которого у Павла иногда опускались руки. Входя в порученную тему, он столкнулся с новым математическим аппаратом; подразумевалось, что претендент на работу, которую курировал Бородин, априори должен владеть этой затейливой наукой, но для Павла незнакомая область связывалась с предметами, удававшимися ему в институте хуже прочих. Его сильнее тянуло к деятельности, в которой участвовала Маша — она днями напролет пропадала в административном корпусе, у темноглазого биолога, Сергея Борисовича Толмачева. Маша рассказывала, что там кипит работа, которая казалась инженерам, привыкшим к формулам и к иссушающим мозги расчетам, занимательной синекурой. Как-то Павел застал Машу с Толмачевым в их комнате и, не участвуя в разговоре, искоса разглядывал толмачевскую руку с лиловатыми, усеянными рябью ногтями, сжимавшую тетрадку из характерных, в зеленоватую полоску, листов бумаги. Такая бумага доставалась счастливым по блату: она поступила на «Витязь» в комплекте с электронно-вычислительной машиной и попала в фонд для приближенных особ, а остаток растащили ценители прекрасного, фигурирующие заграничными благами, как дикари бусами. Разглядев вытянутые в струнку строчки толмачевского подчерка, Павел удивился их нестандартному наклону: буквы заваливались не вправо, как у всех, а влево.

Чтобы отработкой компенсировать свои походы в библиотеку, Павел засиживался на «Витязе» допоздна, составляя компанию большинству коллег и охотно участвуя в их ритуалах. У Глеба Николаевича любили заключать на сладости пари, выигрыш от которых поступал на чайный стол, и Павел пару раз честно проиграл, но, когда речь заходила о самолетах, он разбивал соперников в пух и прах, потому что не любил игры в поддавки. Один раз он выиграл спор, когда речь зашла о летающем крыле, и Павел вспомнил «полблина» Черановского. Во втором споре дискутировался экраноплан Бартини, который Павел, держа в памяти хитрые контуры — катамаранные поплавки, непривычную компоновку крыльев и осторожную шею, высовывающуюся из горбатого фюзеляжа — вытащил на прилюдное обсуждение, и Маша, плохо разбиравшаяся в авиации, признала себя побежденной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.